

86 $\frac{01}{1}$

$\frac{5190}{1}$



ИЗЪ РУССКАГО НАРОДНАГО БЫТА.

РИСОВАНЫ СЪ НАТУРЫ И. С. ЩЕДРОВСКИМЪ.

Текстъ написанъ В. Н. Савинымъ.

~~~~~  
**СОДЕРЖАНІЕ:**  
~~~~~

- | | |
|-----------------------------|--|
| 1. Уличный чтецъ. | 11. Добрый человекъ. |
| 2. Шашки и балалайка. | 12. Русская сила. |
| 3. Кузнецы. | 13. Служба. |
| 4. Сбитеньщикъ. | 14. Петербургское утро. |
| 5. Няня. | 15. Умъ и спаровка. |
| 6. Тришка. | 16. Хозяйскій сынокъ. |
| 7. Петербургскій Ванька. | 17. Кучерь. |
| 8. Важная штука. | 18. Торговка. |
| 9. Еще совѣсть не зазрѣла! | 19. Карты. |
| 10. Петербургскій дворникъ. | 20. Русскій человекъ на пѣмецкомъ гуляньѣ. |

—•—•—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

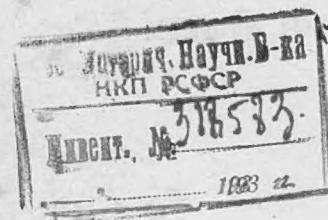
1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 23 Февраля 1852 года.

Ценсоръ Ал. Крыловъ.





I. УЛИЧНЫЙ ЧТЕЦЪ.

(ПРОСТОНАРОДНАЯ ЖИВОПИСЬ И ЛИТЕРАТУРА.)

Говоря о простонародной литературѣ, нельзя умолчать о тѣхъ неизысканныхъ изображеніяхъ, которыя сохранили простолюдинамъ драгоценную память о славныхъ дѣлахъ Русскихъ людей отъ Мамаева побоища до взятія Варшавы — включительно. И если, иногда, позволено мѣшать дѣло съ бездѣльемъ, то не будетъ лишнимъ, ежели мы бросимъ бѣглый взглядъ на исторію произведеній Суздальской школы. Родина этихъ картинъ Москва. Въ началѣ XVIII столѣтія онѣ сдѣлались тамъ промысломъ многихъ оборотливыхъ людей. Названныя Суздальскими, или лубочными, а въ Сибири *панками*, онѣ и до сихъ поръ сохранили свою простоту и грубость въ отдѣлкѣ.

Одна изъ самыхъ давнишнихъ Московскихъ типографій, въ которой во вкусѣ и духѣ народномъ печатались эти картинки, принадлежала купцамъ Ахметьевымъ и помѣщалась въ приходѣ у Спаса, въ Спасской, за Сухаревой Башнею. Она существовала въ родѣ Ахметьевыхъ болѣе 70-ти лѣтъ. Близъ Сухаревой

Башни, сооруженной Петромъ Великимъ, была въ старину Стрѣлецкая слобода, въ которой приходская церковь Живоначальныя Св. Троицы называлась на листахъ.... Названная потому такъ, что у ограды ея продавались раскрашенные листы, печатавшіеся у Успѣнія, въ печатникахъ, на Стретенкѣ. Въ послѣдствіе времени, такіе листы продавались у Спасскаго моста близъ стараго Бастиона, а оттуда были перенесены къ оградѣ Казанской и, наконецъ, ихъ можно уже было встрѣтить въ Московскомъ холщевомъ ряду.

Содержаніе этихъ листовъ также различно, какъ различны понятія народа, которыя хотя съ теченіемъ времени и измѣняются, однако же основа ихъ остается одна и таже. Религія, всегда оживлявшая изящныя искусства, и любовь къ родинѣ, — служатъ для Суздальскихъ картинъ главными предметами, достойными лучшей кисти и лучшаго рѣзца. Чудеса и страданія Святыхъ, Герои Руси, знаменитыя битвы изображаются на нихъ, хотя не искуснымъ, но усерднымъ рѣзцомъ и расписываются красками яркими въ полномъ значеніи этого слова.

Еще и въ настоящее время встрѣчается множество подобныхъ картинъ, которыя развозятся по ярморкамъ, а оттуда разносятся промышленниками по селамъ нашихъ Великороссійскихъ губерній. Въ

избѣ зажиточнаго крестіанина этихъ селъ — легко встрѣтить произведенія Суздальской школы; произведенія, которыми всякій парень, возвращающійся домой съ заработковъ, запасается для украшенія домашнихъ стѣнъ, и для подарковъ роднымъ своимъ и знакомымъ.

Случалось ли вамъ когда нибудь въ зимнюю, ненастную ночь, подъ ураганомъ вьюги, и переливами холоднаго вѣтра сбиться съ пути и провалиться съ повозкою въ трюсбахъ снѣга?... Если случалось и особенно въ подмосковной, то стало быть вы видѣли цѣлую галерею Суздальскихъ импровизацій.

Ну! вы, веселинькіе.... чего стали! кричитъ продрогнувшій ямщикъ, спрыгнувъ съ облучка и оглядывая безпредѣльную степь, надъ которой міриады снѣжныхъ звѣздочекъ вьются, какъ неугомонные виллисы сѣвера.

Что тамъ? откликаетесь вы, выглядывая изъ уютно пригрѣвшаго васъ пушистаго медвѣдя.

— Плохо В. Б.! отвѣчаетъ ямщикъ.... лошадки шибко продрогли сердечные, да и дорогу то словно лѣшій языкомъ выгладилъ.

Что.... сбился? дорогу потерялъ? снова спрашиваете вы, поди посмотри.... отойди нѣсколько шаговъ!

— Пойти, для-ча не пойти, да вишь мятель-то

какая, такъ и засыпаетъ.... неровень часъ, заплутаешься и лошадей потеряешь....

— Ну.... такъ чтожъ мы будемъ дѣлать?

— Да, ужъ и невѣдаю сударь.... вишь ты какую непогоду развело.... глаза всѣ выхлестало.... эка напасть непрошенная.... эка бѣда бѣдущая!... Ономясь, вотъ, тоже, съ бариномъ ѣхалъ, да вотъ эндакъ же....

— Да, ну тебя съ твоимъ ономясь! ищи дорогу, не замерзнуть же намъ?

— Не серчайте сударь.... воля Божеская, ужъ коли на роду написано кому замерзнуть, того волкъ не съѣстъ....

— Говорятъ тебѣ не толкуй по пустякамъ, а лучше по ищи.

— Тс.... обождите маненько.... чу.... слышите.... собаки лаютъ.... слава-те Господи! энтотъ ни какъ, вправо отъ насъ Задирайлова.... такъ и есть!... вотъ и оно.... Ну—вы! съ горки на горку.... баринъ дастъ на водку.... катай улепетывай.... гонются! и лихой ямщикъ закрутилъ бичемъ, свиснулъ и залился молодецкимъ по свистомъ, въ переливъ съ валдайскимъ звонкомъ; а тройка, какъ вѣтеръ, рвется изъ упряжи и несетъ васъ къ теплой избѣ хлѣбосольнаго поселанина.

Ворота настезь, самъ староста съ поклономъ, распахнувъ избу, помогъ вамъ скинуть тяжелую шубу

и усадилъ васъ въ почетное мѣсто, подъ Святые иконы.

Въ полчаса радушіе хозяина, его простота и говорливость, самоваръ и трубка, заставляютъ васъ забыть и раздольный вѣтеръ, и страшную выюгу, и злой морозъ и философію ямщика.... вы отогрѣлись на солнцѣ русскаго радушія — при помощи горячаго чаю. Теперь изъ страдальца дѣлаетесь вы наблюдателемъ.... Чистая изба, пятокъ ребятишекъ, выглядывающихъ съ палатей изъ-за пестраго повойника краснощекой крестьянки — переносятъ васъ къ Русской эклогѣ и идилліи. Но, вотъ, взоръ вашъ оторвался отъ живыхъ существъ, взглядывающихъ на васъ любопытными глазами, и обратился къ другому предмету. Вы замѣчаете пеструю стѣну избы, разглядываете эти ярко—красныя, желтыя, синія и зеленыя пятна, эти іероглифы и узнаете какого-то пузатаго господина, котораго казакъ и смоленскій ратникъ угощаютъ вѣнникомъ въ русской банѣ.... А это что? спрашиваете вы, останавливаясь предъ огромнымъ эстампомъ замараннымъ снѣжкою и суркомъ.

— Это, ваше благородіе, отвѣчаетъ хозяинъ съ низкимъ поклономъ, осмѣлюсь доложить, вашей милости, штука важная.... на Макарьевской купилъ....

это изволите видѣть.... какъ бишь? Березинская свалка! подсказываетъ голосъ съ палатей.

Да! вотъ, негодно ли вашей милости? Ей, Оська! подь сюда....

Ну, чегожъ ухмыляешься, неучь?... чкии барину.... что это написано подъ картиною.... Да поклонись, олухъ!... Ну то-то.... чкии же.... пертачься!

А нешто на орѣхи будетъ?... И мальчикъ останавливается на васъ лукавый взглядъ, накренивъ голову и перебирая пухъ и мочалы въ своемъ затылкѣ.

Будетъ, будетъ! отвѣчаете вы.

Ну, а коли будетъ — то прислушай. Вотъ вишь ты.... это, когда Наполеонъ далъ изъ Москвы стрелка, опосля того, какъ наши Кириловцы задали ему трезвону, такъ, чтобы убраться подобру поздорову въ свою нѣмецію онъ и бросился было за рѣку Березину, а наши-то и прими его тутъ на руку, да какъ приняли и пошла потѣха.... кто куда.... Мостъ-то наши въ щепу изувѣчили; ну, и вѣстимо что пришлось нехристямъ, подобравши полы отправляться въ рѣку за раками. А вонъ это и написано тутъ: *Бонапартъ съ войскомъ своимъ при рѣкѣ Березинѣ пораженъ, разбитъ, потопленъ и заганъ съ рѣку воинами Россійскими....* Вишь ты, добавляетъ мальчикъ, въ Москвѣ-то Храпцузъ закоптѣлъ на пожарѣ,

такъ наши Донцы его вздумали на Березинѣ вы-
лоскать.

Охъ, ты бой голова.... ухарь парень! подхваты-
ваетъ веселый старикъ. Ужъ какой онъ у меня, про-
щенія просимъ сударь, сорванецъ и прощальга; ужъ
и не накажи Господи! Да, за то правду матку мол-
вить, съ разумомъ парнишко; читаетъ словно семи-
паристъ какой, а вѣдь охотой выучился.

Такой парень будетъ непременно уличнымъ чте-
цомъ, душою бесѣды и потѣхой неграмотныхъ пріа-
телей.

Спустя нѣсколько лѣтъ онъ переходитъ отъ пресло-
вutoй подписи подѣ Березенскимъ дѣломъ, къ сказкѣ,
а потомъ даже и къ серьезному чтенію.... Нѣтъ слова,
что ему часто попадаются и такія вещи, въ которыхъ
онъ узнаетъ только одни буквы; но здѣсь, ему,
по выраженію Гоголя, нравится не цѣль чтенія, а
процессъ его. Онъ читаетъ все съ одинаковою любовью:
и Бову Королевича, и механику Божеряпова... Въ
деревиѣ его красное словцо часто выслушиваютъ и
опытные старикъ. Онъ смѣло входитъ въ собравшуюся
бесѣду и съ важнымъ видомъ, избоченясь толкуетъ о
заморскихъ чудесахъ, о пряничныхъ городахъ съ ме-
довыми рѣками и сахарными пригорками... Ему нипо-
чемъ озадачить пріятеля вычурнымъ словцомъ, передъ

которымъ собесѣдники таращутъ глаза, а самъ онъ
наивно ухмыльнувшись добавляетъ: Вотъ оно што,
голова! Ему не смѣй поперечить; самъ онъ и нѣсколь-
ко голосовъ закричать дерзкому: Не толкуй!... Ужъ
Петруха молвилъ, такъ стало быть не с проста, гдѣ
нинаестъ да въ книгѣ отрылъ!

Въ праздникъ, когда нѣтъ дома работы, настаетъ
торжество Петрухи. Въ пестрой, яркой рубахѣ съ
распашнымъ воротомъ, грамотѣй, пригрѣтый солнчи-
комъ, помѣщается на пыльной завалинкѣ.... онъ
тутъ всегда окруженъ толпою однодеревенцевъ, и съ
неизбѣжною икотою вычитываетъ вслухъ заниматель-
ные эпизоды изъ дивныхъ походовъ Еруслана и Бовы
или Кашея безсмертнаго.—Онъ даже не прочь спѣть
и вычитанный романсъ, разумѣется, сохранивъ при
этомъ народный мотивъ. Онъ даже поетъ: «*Ты не
повѣришь*» на голосъ: *какъ за рѣченькой слобудушка
стоитъ...*

Эти уличные чтецы, въ деревнѣ, говоря истину,
хотя и достигаютъ убоюкнванья своего микроскопи-
ческаго самолюбія; но голова ихъ навсѣгда остается
складочнымъ анбаромъ обыденной рухляди и неподѣ-
ланнаго фейерверка мыслей.

Пойдемте за нимъ въ городъ.

Видите ли людный мостъ: на одномъ концѣ его

непобѣжно помѣщается саячникъ. Онъ, если не угощаетъ извозника произведеніемъ своей кухни, то подчуетъ его же чтеніемъ какой нибудь книжки, или объясненіемъ картинки, изображающей битву Русскихъ съ Кабардинцами, или страшнаго удалю Атамана Бури. Перейдите площадь и остановитесь на одномъ концѣ ея, за фалангою каретъ и цѣлымъ полемъ развѣяннаго сѣна.... здѣсь также исторія. Толпа любопытныхъ извозниковъ вслушивается въ сказаніе чтеца, своего собрата, изрѣдка заѣдая—умную рѣчь обломками пряника. Вяземскіе и росписные не мѣшаютъ имъ мыслить; они сочувствуютъ чтецу, отвѣчая на всякое бойкое его словцо кудрявымъ замѣчаніемъ, или возгласомъ радушнаго ободренія.

— Слышь-ты! говоритъ внимательный слушатель, ударивъ пошанкѣ пріятеля.... штука братъ!

— Важнѣйшая, отзывается другой.

— Эко-ты чудодѣйная притча! подхватываетъ третій.

— Важно!

— Лихо! Ну.... ну Васюха.... чтожь это будетъ?

— Читай прислушаемъ. И снова взоры уставлены на масляныя страницы книги.

Истинное раздолье для уличнаго чтеца и истинная жатва для его велемудраго знанія русской азбуки есть

удовольствіе быть однимъ изъ членовъ мелочной лавки, или лабаза. Тутъ изъ подъ рукъ и глазъ его не юркнетъ ни одного клочка неписанной бумаги.... Каждое мгновеніе, или обвязывая паточное лукошко, или подбрасывая голубямъ горошенки,—онъ переходитъ отъ лирической поэзіи къ исторіи временъ очаковскихъ и покоренія Крыма, или отъ извѣстій о дѣлахъ Карлстовъ съ Християносами къ объявленію о порошокѣ отъ насѣкомыхъ.

Такой любитель всего печатнаго, во время командировокъ за долгомъ къ покупателю, или за овощами въ огородъ не подсѣкаетъ голубей и не пугаетъ воробья камнемъ.... Шѣтъ: у него есть забава своего рода и средство украсть отъ хозяина лишнихъ полчаса.... эта забава книга; она всегда съ нимъ и пригрѣта за фартукомъ.

Вотъ онъ, навьюченный корзиною хлѣбовъ, въ жаркій июльскій полдень, остановился у гранитнаго берега Невы. Осторожно поставивъ свою пошу на гранить, сдвинувъ на затылокъ промасленную шапку и, избоясь откинуть впередъ правую ногу, поставивъ ее на рыжій коблукъ.... потомъ раскрылъ свою книжку и приступилъ къ забавѣ. Слушатели будутъ.... Видите ли, съ какимъ вниманіемъ уставилъ на него глаза, прищуривъ ихъ подъ полями мятой шляпы



этотъ квасникъ — ремесло котораго приноситъ такой же жидкой барышъ, какъ жидка его медовая влага, на которой вѣчно плаваетъ цѣлая армада лимонныхъ корокъ.... А тамъ, когда то бодрый ратникъ, теперь ветхая старина, насторожилъ слухъ и вниманіе.... Уличный чтецъ напомнилъ ему бывшее, горе и счастье родины.... Парень читаетъ исторію Бородинской

битвы, въ которой старикъ растерялъ много своихъ кровныхъ, и сердце его вздрогнуло отъ воспомина- нія — и онъ шепчетъ своему вожатому мальчику:

Митя! Митя слушай, какъ умирали твои отцы, какъ грудью отстаивали родимую землю во славу Ба- тюшки Царя Бѣлаго?





М. С. С. С. С.

II.

ШАШКИ И БАЛАЛАЙКА.

Времена переходчивы, говорит русская поговорка; а известно, что русская присказка.... уже коли ска-
зана, такъ словно топоромъ отрублена.... правда съ ней,
какъ сестра радная,—рука объ руку по свѣту бро-
дить....

Времена переходчивы!

И впрямъ, поглядишь: всему своя пара, свой чередъ
и свой почетъ.... У другой красавицы до первой мор-
щинки не сочтешь радостей, только глазкомъ поведетъ—
всѣ ей въ поясъ, всѣ отъ нее безъ души;—а пришла
пора, засѣла сѣдина въ високъ—и отвернулся отъ
красавицы—и она, какъ крымскій мѣшокъ—брошена
въ прихожую. Бывало — отцы наши выплясывали
минуэтъ, и вѣроятно думали, что у нихъ столько гра-
ціи, что и въ коробъ ее не уложишь, что и правнукамъ
на долю хватить; а теперь, минуэтомъ и эскимоса
не увидишь. — Бывало русскому человѣку не давай
маку съ медомъ, не подчуй вяземской каврижкой, или
баранкой валдайской, а разгороди ему на квадратикъ

кусокъ дерева, да отсыпь хоть 24 костяжки;—въ
поясъ поклонится, присядитъ и, какъ пить-дасть, всѣ
12 сухариковъ съ загородкой оставить пріятелю;—и
ужъ гдѣ онъ негрывалъ, гдѣ только его волки не-
кушали овецъ? вездѣ! За воротами на скамьѣ-уголькомъ
квадратикъ городилъ, у Гостинаго на лавкѣ, въ при-
хожей—на ларѣ.... Но отошелъ почетъ шашеш-
ницѣ!.. и борода и тулупъ наровятъ къ билиарду, шары
катаютъ, и не краснѣя каратаютъ за краснымъ
время; весь заморскій діалектъ на изустъ знаютъ: у нихъ
дуплеты съ триплетами, да карамболи съ *подходцами*—
словно на своей родной почвѣ съ капустой выросли.
Засучилъ рукова, перегнулся какъ акробатъ, изнамѣ-
рился—и молвитъ: Пошла въ среднюю!... Или, помнимъ
время, какъ на пиру да во бѣсѣдушки, гдѣ душа была
на распахку, съ воротомъ отъ рубахи, гдѣ не гусли,
не гармоника заморская наигрывали веселую, а само-
дѣльная, пѣвучая русская балалайка.... И ужъ, какъ ста-
рики наши ладно подъ нее приплясывали?... Сколько
пѣсень они сложили для трехструнной, сколько подъ
ее заунывное бряцанье высказали сладкой ласки дѣву-
шкѣ—зазнобушкѣ? Вечеркомъ соберется бывало мо-
лодежь, присядетъ на завалинкѣ.... барда въ середку,
руку къ уху ударили въ балалайки и затянули....

А теперь и балалайка отжила свой вѣкъ;—гармо-

ника съ клапаномъ, да рыжимъ ремешкомъ—отняла у нее заслуженный почетъ; теперь поглядишь всякій халатникъ наигрываетъ: «стоветъ сизый»—и только тотъ невладѣетъ своимъ инструментомъ, который развѣ пальцы отморозилъ.

Все эти мысли я высказалъ не свои собственные; все эти мысли цѣлкомъ принадлежатъ Артамону Матвѣвичу, ремесломъ лоскутнику, званіемъ мѣщанину—и большому биткѣ, когда дѣло каснется шашекъ или балалайки; за то ужъ курносый Гришка—цыгарочникъ всегда возлѣ него съ балалайкою, когда Артамонъ Матвѣвичъ изволитъ прохлождаться въ пертерной....

А вотъ и бесѣда ихъ:

На дворѣ темно,—мелкій дождь пересыпается мокрой изморозью, время около девятаго, а въ подвальной пертерной—въ крайнемъ окнѣ огонь ... ни кто ни звякнетъ надъ дверью ржавымъ колокольчикомъ; прикащикъ нехудаль бы отъ бездѣлья, да спасибо Артамону Матвѣвичу:—онъ ужъ тутъ... потѣшается шашечкой, и какой почетъ ему? Распахнулъ сибирку, присѣлъ на стулѣ, а за стуломъ стоитъ прикащикъ, не спуская глазъ съ ловкой игры гостя и его ратоборца, стараго Шаффила, осѣдлавшаго скамью. Гришка только невнимателенъ: потряхивая красною ермолкою,

онъ разсѣянно бряцать тонкой струной балалайки, да искоса посматриваетъ на бесѣду незнакомаго кучера съ знакомой лебедкой....

Ну, чегожъ думаешь! валяй.... отхаживай,—говорить Артамонъ Матвѣвичъ....—Чего валять-то? дай умомъ, разумомъ прикинуть! вѣдь чуть промахнешь, ты опять мнѣ изгородь сгородишь....

Да ужъ я-тѣ сторожу,—не отлытаешь.... вонъ нашенская проѣхала въ дамки; да стой, дай срокъ! еще двухъ днищемъ вверхъ поставлю.

Ахъ ты — *гисторія* затѣвущая! вѣдь, какъ учнетъ сухарями кормить такъ тутъ хоть давись да глотай....

Ничего—здорово братъ, съ улыбкой, отзывается Артамонъ Матвѣвичъ.... и долой шашку....

Это што, братъ?

А то што—взять ее, для ча не ѣла!..

Гришка все перебираетъ струну и прислушивается, какъ въ томъ углу ведутъ бесѣду....

Шѣй же—Петровна....

Да чего пристагъ: пей, да пей! словно я карчага какая, такъ и наровить черезъ край перелить.

Эхъ ты Лебедь моя! отзывается собесѣдникъ: вотъ уйдешь въ деревню тамъ кланяться въ поясъ не будутъ.... шѣй же.... што-ли....

Экой вѣдь, пичѣмъ не отобьешься. Красавица улыбнулась и остановила на стаканѣ ласковый взглядъ....

Пропади ты Петровна, думаетъ Гришка: на меня и поглядѣть *попиче* не хочетъ! чтожъ оно и въ самомъ дѣлѣ? Съ этой мыслию взгрустнулось Гришкѣ, разболѣлось рѣтливое, запросилось высказаться.... и онъ, ударивъ по струнѣ, залился звонкой пѣснею. А русская пѣсня хоть у кого изъ души вздохъ выпроситъ....

Артамонъ Матвѣевичъ остановилъ на носу палецъ — и припикъ ухомъ къ пѣсни, — въ то время какъ его

пріятель, также, задумчиво опустилъ голову надъ рѣшетчатой шашеницей. Гришка кончилъ послѣднюю ноту, брякнулъ по струнѣ — и легонько перебирая ее, устремилъ вопросительный взглядъ на Петровну, какъ бы спрашивая:

— Штожъ?... аль ащо мало? знай нашихъ!

— Важно Гришка! примолвилъ неподвижный Артамонъ Матвѣевичъ, взглянувъ изъ подъ лобья на Петровну, которая, шепнувъ что то сосѣду, сомнительною улыбкою отвѣтила на пѣсню Гришки.



III.

КУЗНЕЦЫ.

Если бы зналъ древній ковачъ Вулканъ, что люди, въ послѣдствіи, употребятъ его искусство на выковку обруча и подковы;—то, сковавъ перуны Юпитеру, онъ вѣрно бы выколотилъ по послѣднему глазу красавцамъ циклопамъ и, потомъ, бросилъ бы молотокъ въ Этно—вмѣстѣ съ мѣхами.... Не оскорбительно ли ему, выглядывая, въ трещину или краатеръ подземной кузницы, глотать смрадной дымъ угля отъ милліоновъ дымящихся кузницъ и видѣть, что на огнѣ его выковываются не мечъ, не стрѣла, не броня иглчатая—а гвоздь, шило или просто лопата?.. Въ самомъ дѣлѣ!.. Отстраните взоръ и вниманіе отъ настоящей наковальни, отъ настоящихъ произведеній кузницъ и загляните въ прошедшее нѣсколько вѣковъ назадъ; не къ Грекамъ, не къ Римлянамъ, но хотя въ вѣкъ рыцарства.... тогда кузнецъ ударомъ молота совершалъ подвигъ, отъ котораго зависела участь битвы. Въ немъ нуждались рыцари, трусы и герои. А теперь, онъ только годенъ для подковъ нашихъ лошадей, между тѣмъ, какъ тогда, и голову, и грудь и ноги витязя молотъ

кузнеца облекалъ до того въ крѣпкій футляръ, что для жизни, попавшейся подъ копые или топоръ, не было скважины, черезъ которую бы могла она ускользнуть изъ брони. Теперь, когда стальную скорлупу, стальной нагрудникъ—замѣнила открытая, храбрая грудь, а сильный ударъ остраго копья—мѣткая пуля, кузнецъ вмѣсто латъ куетъ модныя рессоры, и вмѣсто широкаго щита—заслонки.... Древній кузнецъ былъ советъ не то, что кузнецъ—нашаго времени!

Читали ли вы когда нибудь Шертекую красавицу Валтеръ-Скотта?.. Помните ли какого молодца вывелъ авторъ полсотни увлекательныхъ романовъ? Древній кузнецъ былъ атлетъ, крѣпокъ какъ самое желѣзо и силенъ какъ правая рука Геркулеса, переходившая отъ наковальни къ битвѣ. За кружкою пива, или за застольною чашею онъ не любилъ бѣсѣды о какой нибудь клятвѣ, которую поставилъ на всѣ четыре ноги.... Нѣтъ.... броня Ричарда, панцырь Берладника, да молодецкая отвага, да споръ съ пріятелемъ о силѣ: кто дальше швырнетъ до мѣста или за мѣсто тяжелый молотъ, занимали его душу и вырывали изъ устъ его хвастливыя слова. И онъ хвастался основательно, потому, что ремесло его неограничивалось гвоздемъ и винтикомъ: онъ зналъ, что тяжелый мечъ, выкованный имъ,—часто и много разъ напомнитъ о немъ хозяину;

онъ зналъ, что эта широкая, закаленная сталь, сверкая на турнирахъ и въ славныхъ битвахъ, какъ завѣтный алмазъ пойдетъ изъ рода въ родъ, отъ одного витязя къ другому и, что сотня ударовъ, отмѣченныхъ ею на щитѣ врага, перазъ прочтутъ старому воину бывшие подвиги о шумныхъ рыцарскихъ подвигахъ и о брошенныхъ перчаткахъ. Теперь кузнецъ— всю свою славу куетъ только, на молодецкомъ штыкѣ и стволѣ ружья, или карабина.

Но оставимъ первобытныхъ кузнецовъ и посмотримъ на настоящихъ.

Если вы имѣете какую нибудь склонность къ прошлой французской драматической школѣ, и нуждаетесь въ декорации, — рпеющей царство Плутона, то неходите дальше кузницы.... Она вамъ будетъ служить идеальнымъ сюжетомъ.... Чего вамъ и грязище, и смрадище и страшище?

При первомъ шагѣ въ нее васъ окружаютъ фантастическій полумракъ, смрадъ душитъ васъ; уши трещатъ отъ звонкихъ ударовъ молота, некры пляшутъ въ глазахъ какъ виллы въ Жизели, и черные, грязные, съ желтыми глазами, въ пенельныхъ рубахъ лица движутся, какъ выходцы въ послѣднемъ актѣ Фауста.... Прибавьте къ этому еще вспышки красноватаго пламени на очагѣ, поставивъ его на второй

планъ, и цѣль ваша достигнута! Прислушайтесь, что говорятъ эти тѣни, выпивающія каждодневно по нѣсколько чарокъ водки и по ведру квасу.

Кромѣ насъ съ вами здѣсь есть обычные и неизмѣнные посѣтители.... Это кучера, для которыхъ кузница тоже, что для насъ съ вами газета. — Кузнецъ и кучеръ нерѣдко друзья. — Они пьютъ вмѣстѣ чай, и нерѣдко обоюднo обогащаютъ питьевой домъ.

Вы ждете драмы... Извольте, вотъ маленькiй прологъ къ большой драмѣ, — въ которой, съ перваго дѣйствiя, можете заключить о ея развязкѣ....

— Эй! Антипъ Федосѣевичъ, кричитъ голосъ изъ глубины Плутонова царства, и, къ видному кучеру, одѣтому въ хорошiй кафтанъ, съ нахлобученною на глаза шапкою — подбѣгаетъ двуглазый циклопъ, въ коженномъ передникѣ, съ клѣщами заткнутыми за поясъ....

— Много лѣтъ здравствовать.... Тысячу лѣтъ жить, да сто тысячъ нажить! продолжалъ подбѣжавшiй, повертывая молотомъ и, оскаливъ бѣлые зубы, рѣзко отдѣлившiеся отъ законченныхъ губъ и грязнаго лица.

— Спасибо.... Спасибо, отвѣчаетъ кучеръ, проводя рукою по бородѣ.... А — что голова, готова ли коляска наша?...

— Ну, братъ, еще не доѣхала до мѣста.... Знаешь наше дѣло, что велятъ, то и работаемъ: энто, ужъ пѣняй на хозяина.... При этомъ кузнецъ оглядывается и, замѣчая отсутствіе своего вулкана — продолжаетъ:

— Ну, а что Антипъ Федосѣвичъ не пройдемся ли?

— Куда эвто?

— Ну.... вѣстимо.... Эко!... Ну, чего глазами то хлопаешь?

— Да, что ты проселкомъ выбираешься... выѣзжай на столбовую....

— Ты, то-есть, по откровенности?... изволь.... Вишь ты, вечерось, съ Павлухой, мы *маленько* подкурили.... Такъ знаешь.... Ну вѣстимо, теперь въ голову словно въ наковальню такъ и колотить....

— Ну такъ что?

— Опохмѣли, голова.... пжрый разъ самъ пригожусь....

— М... пѣтъ, голубчикъ.... Да, я теперь хоть окуни меня въ золото, мимо питейнаго и ходить то зарокъ даль.

— Ой ли?

— *Правотка!*... Проподай оно....

— Такъ, нѣтъ? Ну инъ какъ знаешь.... Я только такъ; Павлуха! крикнулъ кузнецъ — и на зовъ

его явился второй экземпляръ циклопа, худой и грязный, какъ еврейская ермолка.

— Куда это ребята! Окликнулъ менторскій голосъ артельщика.

— На минуточку — Иванъ Прохоровичъ! отвѣчалъ первый кузнецъ. Друзья схватились за руки и исчезли.

Вотъ она — чарочка-то! Разсуждалъ кучеръ, выходя изъ кузницы; отъ дѣла тянетъ, просто въ пеклу прячетъ. Иной парень хоть куда.... и хорошъ бы, да маятность на умѣ, такъ и пропаль....

День былъ ясный и теплый.... рыболовы вилась надъ фонтанкою и подстерегали разыгравшихся корюшекъ — пускавшихъ надъ водою ея легкія пузырьки.... Улицы были еще пусты.... На нихъ не дребезжали ни дрожки, ни пролетки — даже, еще голосистый разнощикъ не показывался на улицахъ.... Все народонаселеніе набережной фонтанки обрисовывалось, лишь, въ трехъ флегматическихъ собѣседникахъ — Голандскихъ матросахъ....

Антипъ медленно подавался впередъ.... Вотъ и питейный.... Пойду мимо, проподай онъ, молвилъ кучеръ; и вдругъ зрѣлище, достойное наблюдателя, — поразило взоръ Антипа.

Два его знакома стояли у самого порога замаслеп-

ной двери питейного и, представляли сюжетъ для кисти фламандской школы... Худощавый кузнецъ, отмѣченный разодраннымъ передникомъ, поддерживая товарища, котораго языкъ и глаза уже заснули для жизни, — звалъ его домой.

— Ну.... Павлуха!.... маленькую.... Слышь! говорилъ первый кузнецъ, забывая запасъ пѣннаго за передникомъ....

— Слышь ты, аль вѣтъ, отвѣчалъ другой.... артельщикъ осерчаетъ.... Пойдемъ!...

— Осерчаетъ... Проподай онъ.... Проподай.... Знать не хочу ихъ и съ хозяиномъ.... Павлуха.... маленькую.... Ну-же!...

— Вотъ она чарочка-то! Снова подумалъ Антипъ, заложивъ за спину руки и устрѣмивъ взоръ наблюдателя на подгулявшихъ пріятелей.

— Эко, плохо!... заключилъ онъ: вишь-ты.... Стало быть отъ одной до десятка не далеча.... Пошли таки опять въ кружало!



IV.

СБИТЕНЬЩИКЪ.

Высоко взвивался утренний дымокъ надъ городскими трубами, сливаясь съ сѣдыми облаками, быстро пробѣгавшими октябрьское небо. Природа хмурилась, готовая брызнуть или мелкою изморозью — или пушистыми хлопьями снѣга, влажными какъ и самый дождь. Съ дикимъ, протяжнымъ крикомъ вѣщуньи вороны перелетали съ оголенныхъ сучьевъ рябины на вѣчно зеленую ёлку.... Все избѣгающее насморка и кашля спѣшило къ теплому углу, или къ роскошному камину.... Задумчивый джентельменъ не пробивалъ медленно обычной тропы на тротуарѣ, лорнетъ льва не сверкалъ на прищуренномъ глазу его, и легкіе сальфы сѣвера, наши румяныя красавицы, спрятавъ острый носикъ въ пушистую муфту и, выставивъ граціозную ножку да бѣлоснѣжный чулокъ, какъ запоздалыя птички перепрыгивали по камнямъ, чрезъ лужи, покрытыя легкимъ слоемъ льда. Улицы были почти пусты.... Только дѣловой человѣкъ, прижавъ между сердцемъ и боковымъ карманомъ конвертъ,

перебѣгалъ дорогу, пощипывая уши; только Ванька, напѣвая свою пѣсню, изрѣдка приговаривалъ: Эхъ-ма.... хоть бы маленькій морозикъ, да снѣжку бы не-ресыпало!....

А тамъ, на исходѣ улицы, какъ бы гармонируя общему усыпленію, вѣчный скиталецъ столицы, незваный гость ея, плохо знакомый съ суровой природой сѣвера, общипанный шарманщикъ, наигрывалъ нестройную, но тѣмъ менѣе такъ сладкую пѣсню нашему сердцу, влюбленному во всё родное....

Лучина-лучинушка, — лучина березовая! Не твой ли задумчивый мотивъ, не твой ли напѣвъ, такъ мягко щекочущій сердце заставлялъ не разъ вздрагивать душу и, потомъ, погружалъ ее — или въ раздольную пѣгу, или въ грустное воспоминаніе!.. Не въ тебѣ ли таится цѣлая поэма мечтательной жизни нашего сѣвера? Прислушайтесь къ ней, къ ея обаятельному шопоту, и взгляните въ ея вѣчно юную свѣжесть... Вглядитесь въ эту сказку, подслушайте ее тогда, какъ всё, или дремлетъ, или когда непогода запретъ въ дома за двойную дверь весь людъ. Вслушайтесь въ нее и душа откликнется на сладкій призывъ ея, на романическій зовъ этой народной мечты! А — опъ, подъ чьею продрогнувшею рукою льются эти металлическіе звуки, опъ горькая, печальная противоположность этой

говорящей поэмы... онъ пасквилъ на поэзію! Шуж-
да бѣжить по пятамъ его, горькое будущее высте-
ляетъ ему дорогу.... Вотъ онъ, сосвоимъ вѣчно ничего
не выражающимъ взглядомъ; со своею вѣчно убійст-
венною холодностію ко всему, медленно проходитъ го-
родъ, ловя въ окнахъ любопытный взоръ, а всего ча-
ще юную головку дитяти. Такая головка навѣваетъ
на него надежду, онъ щелкаетъ пружиной шарман-
ки, выставляетъ впередъ ногу и, не спуская глазъ съ
замѣчательнаго окна напгрываетъ свою обычную мелодію,
выжидая ничтожной подачки, капли, которая вмѣстѣ
съ другими каплями составитъ для него питательный
глотокъ....

И звукъ стоналъ, переливался;
То замиралъ, то трепеталъ....
И въ сердце нектаромъ вливался,
И думу въ сердцѣ воскрешалъ....

И въ то время, когда бѣдный, кочующій Орфей
хотѣлъ согрѣть вамъ душу своими звуками, сѣдой
сбитеньщикъ, пріосанясь и поправивъ мѣховую шап-
ку, усадилъ какого то мѣщанина на тумбу около за-
бора, вручилъ ему стаканъ горячаго напитка и мо-
лодецки подмигнувъ однимъ глазомъ, — обратился къ
первому прохожему съ своимъ обычнымъ привѣтомъ

всегда однообразнымъ какъ пѣсня кокушки; не пре-
минувъ между тѣмъ высказать и сочувствіе къ музыкѣ.

Эхъ ты — душа пѣсня.... разлили потѣшная; такъ
и прохватила сердце грѣшное... Эхъ, лучина лучи-
пушка.... старина ты старицушка....

Эй — слышь, паринекъ....
Вотъ у насъ сбитенекъ....
Кипитъ закипаеъ....
Губки слипають!
Раскрывай-ко ротокъ:
Принимай кипятокъ....
Ай да — нашъ сбиттнекъ!...

Слышь.... *надать* голова, что ли? окликнулъ онъ
рослаго ломаваго извозника, щелкнувъ по крапу ба-
клаги.

— Для ча не надо? отвѣчалъ послѣдній.... Ша-
лей Микита.

— Изволь!

Вотъ у нашего Микитки, —
Разлихѣ есть напитки:
Кипяткомъ обдаю, —
Чуть не даромъ даю.
Пей душа, — не чинись....
Пей красавецъ — не жгись!

Съ этой приказекой, ухарекой Микита нацѣдилъ
стаканъ сбитню и подалъ его извознику.

— Эхъ вы, голъ Касимовская, продолжалъ онъ, когда покупатель взялъ горячій хрусталь.... И стакъ-то брать разбучились.... Вишь ты, словно подкову горячую понесъ на языкъ. Чай, не бойсь.... харчевни росписныя изболовали васъ? Тамъ, дескать, вошелъ, шапку швырнулъ на столъ и ну зудить по тарелкѣ: половой, слышь, не видишь неучъ, что ли... *мы-ста* пришли! Охъ вы, баловный народъ: на сахаръ зубы прогрызли въ настойкѣ языкъ промочили! — Не то, братъ, было въ наше время.... Трактиръ-то, да харчевню за пять верстъ обходили, — бѣгали отъ нихъ, какъ бѣсъ отъ ладону.... А вотъ голубушка, онъ ударилъ по боклагѣ, — она, кормилица, согрѣвала насъ, да также до седьмага поту прохватывало не хуже вашего....

И тутъ-то сбитеньщикъ сѣдой
О старинѣ разговорился....
Вздыхалъ, качая головой
На пынѣшній народъ дивился.
Давно ли я ходилъ съ боклагой,
Мой сбитень или господа,
А паша братья — борода
Бузою забавлялась брагой....

Всеяческій народъ пивалъ нашу бражку: и кавалеры молодцы, и чеповный людъ, и купецъ почтенный; а пынче, вишь — имъ трактирный кипятокъ слаще

сталъ.... Вѣдь знаемъ, что грѣха тантъ, чѣмъ васъ въ харчевняхъ угощаютъ: пять ведеръ кипятку, да два листочка чаю.... Тулунъ напарю дескать за пятакъ. Бывало, сказать примѣрно, когда у балагановъ пріютимся... наливаетъ неуспѣваешь — какъ мухи къ меду, всѣ такъ и льнутъ къ тебѣ, а понче какъ посмотришь такъ слеза пробьетъ съ досады.... Кой гдѣ увидишь за прилавкомъ два, три тулунника сидятъ, — а прочіе, кто тѣшится по одадь орѣхами, да пряникомъ, да пирогомъ.... Со всемъ народъ избаловался!

Бывало только покажись въ гостиномъ, да затяни:

Какъ у нашего Микитки....

На перерывъ сто голосовъ откликнется.... Микита! Ей, слышь.... давай — что-ли? Да еще бывало иной прочій примолвитъ, что дескать поздно пришелъ? а теперь, хоть провались Микита и съ баклагой, нуждушки имъ будетъ мало.... Чай, да сахарокъ.... Въ прищелку, видишь — стало *авантажней*!.... Ужъ печего сказать, знавалъ и я почетъ, да отошла лафа. Бывало негнушались господа... Къ себѣ парочно позовутъ бывало, сначала людъ поподчивать велятъ, а сами пѣсню спѣть прикажутъ.... Эхъ, пѣсня, многихъ потѣшала ты! А, что теперь нашъ братъ?... Хоть улетайся за заставу... Гдѣ промыслять-то, на толкучемъ, *што* ли? И тамъ,

онять, трактиръ открыли.... Ужъ этакъ, господинъ, какой *нинасть*, не отзоветъ къ сторонкѣ, за заборъ, да не велитъ поподчинять медовымъ.... Шу, пусть — вотъ хоть бы, молвить къ слову, вашъ братъ, извощикъ ломовой, до сбитню не охотникъ... вамъ чарка пѣннаго пужнѣй.... Какъ похруститъ епша подъ ношей, подъ цѣлой дюжиной кулей, да руки намотаешь, таская шкапы, да фигурные комоды.... Шу, тутъ ужъ сбитень силы не вернетъ, давай роднаго зеленчаку... А прошу прислушать, вотъ, этотъ извощикъ легкой, *Ванюха* по прозванью, туда же наровить, куда и купчикъ и прикащикъ.... Закуской прохлаждается подъ часъ.... Озябъ до смерти, такъ вотъ и причина, за чѣмъ послѣднй грошъ тащить въ харчевню. Озябъ! такъ сбитень пей.... Отъ кипятку и ледъ растаетъ, не токмо — братаецъ борода...

Шыталъ держать я также сбитенную.... Вотъ былъ въ пей прежде толкъ. Бывало, что ключемъ кипятъ два огромныхъ самовара, что твои котлы.... Шаръ бьетъ клубомъ и зазываетъ встрѣчныхъ. Вошли.... Усадишь ихъ за ситцевую занавѣску; подашь имъ бубликовъ пятокъ, да съ перцемъ горячаго въ стаканхъ, а самъ присядешь и прислушаешь кой что; тамъ про деревню, иной разъ служивый скажетъ про походы, дворовой несетъ новости.... А ну-

ко, ну, теперь! Выдалъ я сбитенныхъ.... Шустехопки, хоть шаромъ покати.... И бублики зачерствѣли, да и полуда-то въ баклагахъ откипѣла ни за что!

Еще житье сбитеньшкы теперь въ Москвѣ, да тамъ въ иныхъ и прочихъ городахъ.... Зимой съ баклагой на проспектъ, а лѣто съ квасомъ по садамъ. А здѣсь.... Забыли всеъ теперь Микиту.... На дняхъ, вотъ только, дай Господь здоровья, какой-то господинъ зазвалъ меня.... Шу, думаю сердечный вспомнить старину.... Спасибо.... Отвѣдать хочетъ бражки; анъ пѣтъ, кормилецъ.... ужъ, какъ порадовалъ меня.... *патреть* списалъ, онъ видишь ли съ натуры нашихъ пишитъ, да и целковый далъ еще.... А, вѣдь за что? Минутъ десятокъ простоять заставилъ, только...

— Что жъ, надобно еще? спросилъ Микита, окончивъ свою повѣсть и принимая стаканъ. — Нѣтъ, отвѣчалъ извощикъ, доставая изъ пестраго платка гривну.

Микита нахмурилъ брови и уставилъ на земляка взоръ полный досады. Эхъ вы — народъ, добавилъ онъ, всё то не по нашенски.... Бывало денежку нашивали за голенищемъ, въ сапогѣ, а *попиче* посмотришь на васъ, какъ дѣвки красныя, въ платочикъ прячутъ серебро!



V.

Н Я Н Я.

Няня... вотъ нашъ первый звукъ, наше первое слово—послѣ папа и мама.

Вотъ одинъ изъ русскихъ типовъ, который въ настоящее время начинаетъ блѣднѣть и терять свою рельефность, свои типическіе оттѣнки, столь наивные и столь интересные.

Между няньками, лѣлѣвшими нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, и нашими, нельзя не замѣтить огромной разницы.

Няня вашего дѣдушки была женщина русская, старинная няня, со всемъ ея добросердечіемъ, съ любовью къ простотѣ и откровенности, съ прекраснымъ желаніемъ, какъ говорится по русской пословицѣ: отколоть напрямки, никогда не кривя душою. Воля ваша, говорила она, а невозьму грѣха на душу. Всѣ страсти няни вашего дѣдушки были сосредоточены на немъ, всѣ ея желанія въ немъ. Эта женщина прилѣплялась всѣмъ существомъ своимъ къ своему кормильцу, къ своему *пенаглядному*. Она сживалась съ своимъ младенцемъ до того, что дѣтище ея взлѣ-

лѣянное дѣлалось какъ бы роднымъ ея дѣтищемъ. Заключенная въ свой тѣсный міръ, въ свою дѣтскую, она, какъ нянька нашего времени, не бродила душою за пестрымъ ситцемъ и рогатымъ чепцомъ. Няня вашего дѣдушки была женщина удивительная, съ ея причудами, съ ея умѣньемъ однимъ рассказомъ замѣнить маютокѣ гармоникку и погремушку.

Захваралъ ли ея питомецъ, за блажилъ ли черезъчуръ,—и она съ рѣдкимъ самоотверженіемъ забывала свой покой, свою старость, проводя безсонныя ночи за люлькой и заунывной пѣсней.—»Съ глазу, мой батюшка«! говорила она, лаская жаркую головку маютки.

Няня! спрашивали ее: что это Ваня блажить у тебя, по ночамъ? Здоровъ ли онъ?

— И... что вы? Христось съ вами! отвѣчала она; вѣстимо здоровъ! Такъ, что nibуть приключилось, моему голубчику.

— Не сказать ли доктору?

— Господь съ нимъ! на что тутъ *дохтуръ*? Богъ милостивъ! и такъ пройдетъ...

А между тѣмъ старушка, лаская своего не наглядного Ваничку, спрашивала его: гдѣ бобо — душенька?

— Тутъ, няня! тутъ...

— Шу такъ и есть... съ глазу захирѣлъ, родимый! Постои-ка, вотъ, мы твое бобо букѣ отдадимъ; и она, со всею вѣрою въ свои предразсудки и простоту—дула на него съ уголька.

Ребенокъ иногда и дѣйствительно оживалъ и бодрѣлъ.

Отъ чего же это? Не ужели уголекъ няни былъ такъ могучъ?... нѣтъ, любовь няни, ея заботливость были вѣрнымъ лѣкарствомъ, силу котораго она и сама не подозрѣвала.

Теперь ужъ няня—не та! Ей свой покой дороже здоровья питомца, и капризную блажь его она уже не встречаетъ ласкою и приголубливаніемъ.

Темною ночью просыпался рѣзвый малютка...

Спи батюшка! спи мой жизнечекъ! шептала няня.

— Не хочу спать, няня!— не хочу!

— А вопъ и киска спить: надо спать, моя касаточка.

— Не хочу—няня!

— Шу, ну—неблажи родной! Вотъ я тебѣ сказку скажу про богатыря Додона. Послушай-ка!

Малютка успокоивался, прижимался къ нянѣ, уставляя на нее свои любопытные, заспанные глазенки; а няня заводила обычную исторію: въ нѣко-

торомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ... и подъ ея рассказъ и прибаутки Ванюшка дремалъ и засыпалъ снова.

Бѣжали годы. Ванюшка выросалъ... Шѣню няни и ея сказку замѣняли важное лице педагога или семинариста. Ваня уже забывалъ свою няню, а она все была съ нимъ своимъ сердцемъ.

Ваня дѣлался уже Иваномъ Ивановичемъ; чиновникомъ солиднымъ, важнымъ; или молодцомъ бравымъ, или статнымъ—бодрымъ воиномъ; а няня все видѣла въ немъ Ванюшку.

Помнишь, батюшка! говорила она,—приходя поздравлять съ годовымъ праздникомъ своего питомца,—какъ ты мячикомъ—большое зеркало-то?...

Помню, не забылъ няня, отвѣчаетъ Иванъ Ивановичъ;—еще ты на кошку—всю бѣду свалила.

И тутъ начинались воспоминанія, въ которыхъ для няни отражалась вся жизнь, все счастье былого.

— Этакого молодца,этакое сокровище я вынянчила! говаривала она... Кто-бы могъ подумать: маленькій такой былъ; а теперь офицеръ, мой голубчикъ! вѣсь въ золотѣ! Вотъ, кабы Богъ послалъ жену красавицу, не наradoвалось бы мое сердце.

Блаженная старина! Гдѣ теперь эти добрыя, честныя старушки? эти няни, къ которымъ такъ довѣр-

чпы были романческія *Татяны*, наши скромныя, робкія прабабушки? Сколько романовъ было на памяти у такой няни, взлѣлявшей двухъ или трехъ красавицъ?

Первая болѣзнь молодого сердца, первый вздохъ по миломъ, первая мечта и первое очарованіе — повѣрялись такой старушкѣ.

Няня! говорила красавица, — онъ опять мнѣ снился.

— Ну, стало быть, онъ думаетъ о тебѣ, моя ласточка!

— Въ самомъ дѣлѣ, няня?

Да, ужъ такъ, коли спится!

— Ахъ няня! какъ я люблю его.... онъ такой молодецъ!

— Красавецъ! Поди-ко изныль по тебѣ сердечкомъ?...

— Ты думаешь?

— Еще бы! Такая красавица писанная, какъ ты мой жизненочикъ, приглянулась ему, да не выболить сердцемъ! А ужъ добрый человекъ, нечего сказать.... Опомнясь встрѣтилъ меня: здравствуй, говоритъ, старуха! На-ко тебѣ, говоритъ, на баранки!... здоровали говорятъ, барышня? кланяйся ей.

— Спрашивалъ обо мнѣ?

— Какъ же! Почитай ни одного разу не пропустишь, чтобы не спросить о тебѣ.

— Ахъ няня! вѣдь онъ сказалъ, что любить меня.

— Сказалъ?

— Да.... онъ мнѣ написалъ! Онъ говоритъ, что жить безъ меня не можетъ, что умереть, застрѣлится.

— Ахъ ты родимой! Экъ онъ тебя любить! Добрый онъ человекъ! Дай Богъ ему здоровья, за то что любить мою касаточку!

Вотъ старинная няня; не такова она нынче.

Няня взлѣлявшая насъ, больше не русская, часто сварливая и капризная столько же, какъ и ея питомецъ. Она, только въ глазахъ отца и матери — добродѣтель.

Въ часъ почной тоски, она рѣдко приголубитъ малютку и убаюкаетъ его пѣсенкой или сказкой. Въ немъ для нея средство къ достиженію своихъ прихотей.

— Ваничка! говоритъ она, поди отпроси меня у мамы со двора.

— Не хочу!

— Ну такъ лялю отыму, — лошадку твою волку отдамъ.

— Оставь няня лошадку, я пойду къ мамѣ!

И ребенокъ идетъ просить за няню, не изъ сердечнаго побужденія, а отъ робости, что она отниметъ у него лошадку.

Случалось ли вамъ видѣть, гдѣ нибудь въ саду, или на лугу, толпу нянекъ съ толпою ребятъ. Будьте увѣрены, что тутъ забавляются не дѣти, а ихъ мамки. Сплетни про господъ и пересуды, вотъ ихъ сѣра, вотъ ихъ жизнь!

Въ домашней жизни онѣ, съ утра до вечера, заняты иглой или перебранкой съ кормилицами. Причины къ ссорамъ рождаются безпрестанно....

Въ полночь проснулся и заплакалъ ребенокъ.

Аннсимовна! говоритъ няня, смотри твой разревелся! Уймн его.

— Мой? Эко дѣло! *нешто* не слышу, что мой, или твой? Мой-то эвоно, какъ спитъ!

— Да ну, всё равно.... тебе недалечё, угомони его!

— Ишъ-ты, буду я вставать для твоего баловня!

Ухъ ты этакая, думаетъ нянька, лежобочка! прости меня Господи! Эка невидаль! только и дѣла, что ѣсть, да пьеть, да въ день разъ другой накормить ребенка. Постои ты у меня! Я тебя выучу, я тебя еживу изъ дому, или приберу къ рукамъ! И точно няня Омы Ивановича въ слѣдствіе подобной ссоры прибрала къ рукамъ свою товарку кормилицу.

II.

Няня Омы Ивановича сварливая и неугомонная, не любила Сазоновны, молодой румяной кор-

милки. Вражда началась обыкновеннымъ порядкомъ и война была объявлена. Хитрая няня изощряла весь свой умъ, чтобы какъ нибудь подкараулить Сазоновну — и подкараулила!

Однажды въ жаркое Іюльское утро, Сазоновна расположилась на дворѣ, подъ тѣнью развѣсистой березы, приглубивъ грудного малютку; а Ома Ивановичъ, тогда еще Омушка не большой, невзрачный и курносый, свѣсивъ ножки и улыбаясь на прыгающего воробья, помѣщался рядомъ съ Сазоновною. Няня въ своей пестрой кацовейкѣ и пирамидальномъ чепчикѣ прохаживалась по двору, *тютюкала* маленького брата Омы Ивановича, изрѣдка бросая косые и подозрительные взгляды на Сазоновну, которая со всею откровенностію русской молодницы, уставила нескромный, улыбающійся взглядъ на молодого, знакомаго ей рыбака.

Минута была картинная.... Торговецъ отогнулъ полу фартука и, вытащивъ свой кожаный мѣшокъ оставался въ этомъ положеніи, видимо — чегото выжидая, между тѣмъ какъ его покупатель, заложивъ руки за узорчатый кушакъ, погрязъ всею думою надъ бадьею съ рыбою.

Няня не проронила этой минуты.

— Сереженька! спросила она своего питомца; что дѣлаетъ Сазоновна?

— Смѣется, — няня!

— Кому смѣется?

— Мужикъ, — няня!

— Ага!... постой голубушка! Знаемъ мы этихъ рыбаковъ, знаемъ зачѣмъ онъ сюда повадился ходить!

Послѣ того хитрая няня принялась пытаться и Фомушку, когда дѣти воротились съ гулянья.

— Фомушка! спрашивала — она, Сазоновна говорила съ мужикомъ, что иногда рыбку приносить?



— Говорила, простодушно отвѣчалъ мальчикъ.

— Что же она говорила, душенька?

Когда онъ пошелъ мимо нее, Сазоновна сказала: Сенья! приходи уже покалякать на Измайловскій плацъ, я съ дѣтьми буду тамъ. Этой старой вѣдьмы не будетъ! Право няня! она тебя назвала вѣдьмой...

И торжество няни было несомнѣнно. Съ тѣхъ поръ Сазоновна принуждена была исполнять каждую прихоть няни; пето она тотчасъ напоминала ей Измайловскій плацъ и рыбку...



И. С. Погодин



VI.

ТРИШКА.

.... Первые сны Тришки укачивала не колыбель, не люлька, а просто зыбка, повѣшенная на длинномъ шестѣ подъ потолокъ курной избы; младенчество его прошло въ забавахъ съ курами и пѣтухами; юность въ умѣньи отличить грошъ отъ гривенника, или свинчатку отъ простой бабки. Настоящая эпоха жизни для него началась съ прихожей, когда онъ сдѣлался хозяиномъ вѣшалки и ваксы. Трифонъ, съ этой минуты, сталъ понимать наслажденіе жизни: онъ уже рѣдко просыпался теперь прежде барина, рѣдко оставлялъ ему недопитую бутылку — вина и недоѣденнаго рябчика, рѣдко не брапилъ передъ господиномъ лавочника, или разнощика за то, что тотъ его общитываетъ. Едва затворялись двери за бариномъ, какъ Трифонъ у окна: свѣсилъ голову и безцеремонно поплевываетъ на дворъ, или молвитъ ласковое слово встрѣчной прачкѣ.

— Ну чего ты плюешься, озарникъ! вотъ возьму, да мокрой тряпкой, такъ и озадачу, говоритъ обиженная пастушка.

— Ой—ли! откликнется Тришка. А пешто ты Палаша леденецъ, что ли? Шебойсь растаяла! эвося! ужъ и не потруни съ нею....

— Много вашего брата, холоповъ! амбиціи-то ни какой незнаешь, прорѣшникъ ты энтакій!

— Ну—у....поѣхала! нишъ—ты про холобство! важная краля! ахъ ты мыльница, марьяжъ касимовскій!

— Да что ты Тришка привязался? аль я тебѣ на посмѣяніе напрашиваюсь? Вотъ ужо-ть-ко! дай повстрѣчаю барина, всю твою дурь расскажу....

— Ну—вотъ и до барина ужъ пошла! правда сказано: «не тропь бабу, коли хочешь зепьки зберечь.» Пропадай ты злущая! съ этими словами Тришка захлопнулъ окно, потянулся, зевнулъ, сунулся на лавку и захрапѣлъ. Звонокъ, другой! Тришка вспрыгнулъ, какъ полоумный; сунулся къ дверямъ, отворилъ ихъ и дойдя до мѣста только по инстинкту, все еще видитъ во снѣ деревню и сладость деревенской утопіи.

— Баринъ дома?

— Ни какъ-нѣтъ-съ!

— Скоро будетъ?

— Немогишь знать, ни чего не приказывали-съ!

— Да онъ обѣдаетъ дома?

— Почитай каждыиъ день-съ!

— Я спрашиваю.... сего дня?...

— Немоги́мъ знать-съ! може обѣдаютъ, а можетъ
статься—гдѣ ни паесть кушаютъ-съ.

— Ну, такъ скажи, что былъ Карлъ Ивановичъ
Бодель. Слышишь?...

— Слушаю-съ!

Двери захлопнулись, Тришка готовъ захрапѣть
спова. Но вотъ, опять звонокъ! явился баринъ.

— Ты все спиши лентяй!...

— Ни какъ нѣтъ-съ! только вздремнулъ маненько.

— Вижу я по глазамъ твоимъ!

— Слушаю-съ

— Былъ кто нибудь безъ меня?

— Былъ-съ ... Шудель!...

— Что такое? какой Шудель!

— Чернишкой-съ, курчавый, не большой такой!

— Да что ты городишь вздоръ? за чѣмъ онъ за-
бѣжалъ сюда?...

— Не могу знать-съ! васъ спрашивалъ.

— Что-о... Шудель, меня спрашивалъ? ахъ ты прос-
тофия! вѣрно ты перевралъ!

— Нѣтъ-съ! точно-съ!

— Да кто это.... человѣкъ или собака?...

— Трифонъ ухмыльнулся....

— Какая собака? сударь! вѣстимо человѣкъ прихо-

дилъ.... въ очкахъ-съ, и тросточка, такая знаете, еще
головка на ней словно птица какая....

— Да какъ его имя... говорилъ?

— Говорилъ!... имя.... вѣстимо нѣмецкое!... Карлъ
Ивановичъ прозывается....

— Такъ это Бодель! экой ты братецъ неучъ! и этаго
то твоя башка не можетъ упомянуть! Пошолъ.... сходи
за обѣдомъ.

— Ишь ты! думаетъ Тришка, гдѣ же нашему
брату всякія слова помнить?...

Баринъ отобѣдалъ, уснулъ, выкурилъ двѣ труб-
ки, потребовалъ галоши, шляпу, трость и ушолъ... За-
нимъ и Тришка! Куда? къ такому же человѣку, какъ
и самъ, побаясничать о томъ какъ его разобидѣла
прачка, и пригласить пріятеля поиграть въ носки.
Да пойдёмъ, говорить: у меня ни камаръ, ни муха
не помѣшаютъ намъ.

Сальный огарокъ пылаетъ на окнѣ, а Тришка и
Левка, усѣвшись на ларь румянятъ носы другъ другу.

— Баста, Левка! говоритъ Тришка. Больно де-
решься!

— Что разписалъ молодца? Ну еще разохъ!

— Ни.... ни!... Ты вѣдь ишь какой азартный!
уговоръ былъ за проигрышъ отвѣчать носу, а ты
вонъ ужъ и по лбу заѣхалъ. Нѣтъ, отваливай!

— Да ну, полно! чего зартачился?

— Не стану, говорятъ тебѣ....

— Охъ ты краля вальяжная! пось бережетъ! вѣдь пось-то твой не хозяйская трубка.... бѣда невелика, коли расколится!

— Смѣйся, смѣйся!

А тутъ и баринъ въ двери. —

— Опять за картами!... А? Сколько разъ говорено, что бы ты не смѣлъ играть? Знаешь ли ты, что отъ картъ до воровства недалеко... проиграешь грошъ, тамъ пятакъ.... Своего неслучится, въ чужые карманы полезешь!

— Вотъ я тебѣ!... Дай сюда карты!

Масленая колода полетела въ печь.... грустно смотритъ Тришка, какъ бубновый валетъ, корчась и подпрыгивая, обугливается въ печкѣ....

На другой день послѣ патаціи барина, Тришка далъ зарокъ не играть и не вѣдать злой корысти.

Прошло много лѣтъ. Тришка не разъ въ это время задумывалъ жениться, да не могъ приласкать себѣ ни одной невѣсты, и замѣнилъ жену трубкою, а счастье семейной жизни мохоркой. А между тѣмъ онъ уже возмужалъ, пересталъ поплевывать въ окно, попривыкъ къ дѣлу. Геръ-Буделя, какъ слѣдуетъ, называлъ Буделемъ, и за барина готовъ былъ

въ огонь и въ воду. Съ кѣмъ ни встрѣтится въ это время Трифонъ.... первая рѣчь о баринѣ:

— Добрѣющей души человѣкъ! говоритъ онъ, и сказать безъ—облыжно, слова-дурного отъ него никогда не услышишь.

Вотъ наконецъ, по какому то дѣлу, баринъ собрался въ Штеръ. Трифонъ съ нимъ.... пріѣхали.

— Ахъ-ты море бездонное, сторона ненаглядная! думаетъ Трифонъ. Вотъ Штеръ-то! ну-городокъ! все то на *иный* ладъ тутъ! дома словно горы Валдайскія! ночью свѣтлехонько—какъ днемъ, а днемъ словно въ муравѣйникѣ! такъ вотъ, все и спуетъ у тебя подъ носомъ! Дорого только бѣдовски все: иглока грошъ, а до калача и недотронься.... хоть пять дней изъ печки, а все скется! За то ужъ народъ *туточи*, просто, такой великатности и во спѣ не увидишь у насъ, тамъ-въ Ковылькахъ. Вѣдь кажется, вотъ, я простой человѣкъ, — а всякій ко мнѣ съ уваженіемъ....

Разъ какъ-то вечеромъ барина не случилось дома. Трифонъ закурилъ свою неизмѣнную трубку и вышелъ на дворъ, не обращая вниманія на встрѣчныхъ, которые смотрѣли на него съ видимымъ любопытствомъ. Да ужъ и было на что взглянуть!... Борода Трифона, не бритая болѣе недѣли, представляла вытертую по-

ловую щетку; довольно помятая шляпа, сдернутая къ затылку, открывала все его лицо, не знакомое съ мыломъ; высоко подвязанный галстухъ, рыжій по цвѣту, сальный по обыкновенію, гордо подпиралъ не бритый его подъ-бородакъ. Вѣтеръ сквозилъ въ дыркахъ его коротенькаго казакіна и безжалостно трепалъ брюками, спрятанными за голенищи сапоговъ. Вдыхая прохладу лѣтняго вечера, Трифонъ, безопасно прошелъ дворъ и уже готовъ былъ выйти за ворота, какъ громкій говоръ, выходившій изъ растворенныхъ дверей сарая, остановилъ его вниманіе. Трифонъ заглянулъ въ сарай, и немогъ избѣжать искушенія: онъ переступилъ порогъ этого сорнаго пріюта и дополнилъ собою картину, которую мы сей часъ рисуемъ.

Въ полумракѣ сарая, между кадкою и ведромъ, на закраинѣ стараго ящика—помѣщался дворникъ, нарядившійся въ какой то костюмъ, не-то турка, не-то армянина; напротивъ его, отдѣленный толстымъ поленомъ, замѣнявшимъ столъ, возсѣдалъ на другомъ полѣнѣ недавно вывезенный въ Питеръ деревенской паренъ. Эти два лица коротали вечеръ за картами. Свидѣтелемъ сцены оставался глубоко-

мысленный водовозъ, возлѣ котораго и помѣстился Трифонъ.

— Ну, што ли! вѣдь ушибу!... сказалъ дворникъ, готовый ударить по обрубку картою.

— Чего ушибу? дай *маленько* пораздумать!

— Чего думать-то? чего тутъ считать? хоть палецъ въ носъ спрячь, не здобровать!

— Ой-ли, голова!...

— Чего ой-ли?... Ну.... пошла! вотъ такъ! ну... вишь ты.... вонъ она! голубушка-то выхлестала... четвертакъ пашъ!

— Четвертакъ! подумалъ Трифонъ. Экъ въ Питеръ-то деньги, стало быть, ни почемъ! четвертакъ! экіе мотыги! да на четвертакъ я бы и махорки, и ситнаго и студени вдоволь накупилъ! Нѣтъ! подумалъ окончательно Трифонъ, пыхнувъ изъ трубки... баринъ говорилъ правду: не вдавайся Тришка въ азартъ!... онъ покачалъ головою и примолвилъ: четвертакъ дѣло великое! пропади ты лихая карта!

Съ этими мыслями Тришка отправился на свою койку грезить о прежнихъ заблужденіяхъ молодости.



VII.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВАНЬКА.

Ночь тиха, — дорога гладка,
Православный спитъ народъ:
Сухопарая лошадка
Ваньку соннаго везетъ....

Если не совсѣмъ соннаго, то — непремѣнно дремлющаго, утонувшаго въ своихъ саняхъ и созерцаніи о суетѣ мірекой и дороговизнѣ сѣна.... Городъ смолкъ, измученный тревоженіями своей щепетильной жизни; только въ однихъ булочныхъ сверкаетъ скудный огонекъ; только окликъ дежурнаго дворника, свернувшагося суркомъ на своемъ гранитномъ подъѣздѣ, или нескромный, протяжный звѣнокъ фонарщика; да лай сторожеваго пса — нарушаютъ глубокий сонъ города — и Ваня также аккомпанируетъ этимъ отголоскамъ Петербургской ночи, скрипомъ своихъ саней, дребезжаніемъ разукрашенной уздечки и фырканьемъ своей саврасенькой.... Изрѣдка вы слышите его заунывную пѣсню, болѣе похожую на мурлыканье кота.... Въ этотъ часъ городского усыпленія и онъ прячетъ свой носъ за паху, съ непремѣннымъ намѣреніемъ

вздремнуть... но не вѣрьте ему... его дремота тревожна, какъ дремота скряги. Мысль его далеко, — она въ теплой избѣ, подлѣ жены и ребятъ, или въ расписной харчевнѣ, а чуткое ухо всегда на сторожѣ.... Какія бы грезы не смущали душу Вани, хотя бы самолюбивая дума его остановилась на синемъ кафтанѣ, праздничномъ кушакѣ и плюсовой шапкѣ.... ухо его на сторожѣ; оно не проронитъ легкаго шелеста подъ ногами запоздалаго прохожаго.... глухое для всего прочаго, оно чутко на магическій окликъ: *извозчикъ!*

При этомъ окликѣ — всѣ мускулы Вани приходятъ въ движеніе — вмѣстѣ съ кнутомъ и возжами. Врагъ быстрой ѣзды онъ, — въ эту минуту, готовъ опередить негаса, раздавить и смять сотню себѣ подобныхъ лишь бы только откликнуться: *Далече ли сударь?* Едва только вы загнули погу въ его допотопныя салазки, изъ особой учтивости названныя санями, какъ невзрачная лошадка, по видимому, съ нетерпѣніемъ нѣсколько разъ рванетъ впередъ; но уместитесь со всею — важностію въ этихъ салазкахъ и рьяная саврасенькая ни съ мѣста.... Для человека заѣзжаго, незнакомаго съ обычаями извозниковъ и ихъ лошадей, такой обманъ, едва ли не оптический, — покажется страннымъ. Для насъ Петербуржцевъ — это вещь обыкновенная. — Мы, вслѣдъ

за тѣмъ равнодушно ждемъ щелчка кнута или возжами; сначала по нашему картузу, потомъ уже по лошади. Здѣсь часто страдаетъ не одинъ картузь, но даже и пось, не рѣдко, задѣтый заживое желѣзнымъ билетикомъ Вани, которымъ играетъ почной зефиръ.... Но вотъ — возница тронулась.

Вы молчите — вамъ дремлетъ, потому что уже время за полночь, и духъ вашъ возмущенъ нѣсколько маленькимъ проигрышемъ, или несправедливостію пріятеля, *подсидѣвшаго* вашу довѣренность.... однимъ словомъ вы неразговорчивы.... такой сѣдокъ рѣшительно не поатурѣ петербургскаго извозника, готоваго на словоохотливость сѣдока всегда отвѣтить краснымъ словомъ. И потому, Ваня, подергивая плечами, выбивая какую то замысловагую дробь дrevкомъ кнута о передокъ саней, — сначала начинаетъ покрикивать, потомъ, изрѣдка, побранивать лошадку или скромно жаловаться на дурную погоду.... Видя, что неудается и этотъ маневръ, онъ рѣшается тогда сдѣлать вамъ невинный вопросъ, въ родѣ слѣдующаго: А что, сударь, нешто ужъ поди-ка не рано?

— Да, двѣнадцать или два, коротко отвѣчаете вы.

— Двѣнадцать? эвоно!... а и *спрямъ* пожалуй *што такъ!* вонъ ужъ и магазины и погребки заперты....

Здѣсь словоохотливость сѣдока получаетъ вѣр-

ный толчекъ. — Дорога длинная, ухабы глубокіе, — саврасенькая прихрамываетъ, терпѣніе ваше истощено.... скука овладѣла вами — и, вотъ зародышъ непремѣннаго отвѣта на желаніе Вани.

— А что, пріятель, — ты какой губерній? спрашиваете вы.

— Да, мы, сударь, здѣшніе-съ.... Лужскіе....

Ну ты, саврасенькая! чего задержала? Татарину отдамъ!

На этомъ кончается первая глава разсказовъ Вани, и, чтобы знать вторую и слѣдующія, нуженъ еще одинъ, самый простой, — ничтожный и незамысловатый вопросъ.

День почти также коротаетъ Петербургскій извозникъ, но для порядка и послѣдовательности — я какъ правописатель, пойду за Ваней съ ранняго утра до поздняго вечера, подмѣчая каждый шагъ его и вычурное слово.

Бьетъ четыре утра. — Войлокъ скатанъ и брошенъ подъ лавку. — Лошадь получила нѣсколько щедрыхъ шипковъ, клокъ сѣна и экономическую мѣрку овса.... а онъ, эмблема вѣчнаго движенія, въ утреннемъ дезабилье, при отсутствіи пестраго платка на шеѣ и синяго охобня на плечахъ, въ нагольномъ тулупѣ въ кругу друзей и земляковъ привѣтствуетъ разсвѣтъ въ

харчевнѣ. — Здѣсь....

«За чай — и локти по столу
Кричитъ: подайте-ка пчелу!
Читасть по складамъ Ерема, —
Сидитъ раскниувшись какъ дома,
И гладитъ по усамъ порой,
Любуясь въ зеркалѣ собой.
А кто по грамотѣ найдетъся,
Глядишь, и въ споръ еще плетется!
Тамъ, про какой-то про романъ —
Не давно съ нумеромъ Иванъ
Въ извозъ прѣхавши изъ Риги....
Романы люди, а не книги....
Толкуетъ пожилой бочаръ:
Всѣхъ лучше книга — птица-жаръ....
Кто про Бову, кто про Полкана,
Кто про Илью, про Еруслана....
А кто и о златыхъ ключахъ....
Читасть, слезы на глазахъ....»

Такъ или почти такъ. — Не думайте, чтобы одинъ только кипятокъ занималъ Ваню въ харчевнѣ, — пѣтъ, онъ даже не прочь отъ печатнаго. Онъ любитъ газею, любитъ подслушать разныя новости, изъ которыхъ не пойметъ ничего, или пойметъ и объяснитъ земляку — недоумкѣ всё по своему.

— Слышь ты, Стигнѣчь, говоритъ онъ; вотъ эв-то штука!...

— Ась! ну-ка, ну-ка — Назарычъ — чки!... откликнется нѣсколько голосовъ....

— Дѣлю изволишь видѣть, вотъ какого рѣзону.... примѣрно сказать — во Франціи....

— Евто, тѣ, што.... ну, еще откуда Шаплионъ-то въ двѣнадцатомъ году на Москву-матушку ходилъ?...

— Да-ну, знамъ Шаплиуна....

И здѣсь новость въ сторону, а Шаплиунъ на сцену. Старики прищелкивая сахарокъ вносятъ въ бѣсѣду свои воспоминанія о незабвенной годнѣ несчастія и славы Россіи, а молодые парни прислушиваются къ голосу старины.

Но, вотъ, Ваня запрегъ свою лошадку... помолился на ближнюю церковь — и перваго сѣдока, съ почину, посадилъ безъ торгу... Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ — онъ перенесетъ съ одного края столицы на другой, десятки людей. На его снѣй, вытертой подушкѣ перебиваются одни задругими: порокъ — и добродѣтель, мотъ и скряга, — богатство и бѣдность, красота и безобразіе. Все это мелькнетъ въ его глазахъ, не оставивъ по себѣ ни какихъ воспоминаній, кромѣ понуканій и гривенниковъ.

Незапятый ѣздою — онъ наивно выплясываетъ импровизированнаго тренака, акомпанируя щелканьемъ

рукавицы о рукавицу, или разговариваетъ съ дворниками, или остритъ надъ пріятелемъ...

Извозчикъ! и Ваня, сломя голову бѣжитъ черезъ дорогу, толкаетъ своего соперника, старается перекричать его, припѣвая неизбежное: вонъ на гнѣдкѣ, сударь, прокачу, лихо-бы! Ваше благородіе, гравчикъ! садитесь, что ли?

Бѣда вамъ и вашему возницѣ не внять его гласу... онъ засыплетъ насмѣшками — своего товарища. Не довезетъ! говоритъ онъ... эвоя... одеръ какой!... три дня не кормлена... право сударь на гнѣдка-бы... уважилъ-бы!

Бьетъ три часа. — На Невскомъ давка,
Протянуть длинный рядъ каретъ...
Полна кондитерская лавка,
Звѣрный полонъ кабинетъ.
Съ улыбкой важной ходятъ дамы,
Гордятся обновой выпшеной,
Гордятся роскошью постыдной
И красотою не завидной...
За ними, пестрою толпой,
На шею напизавъ лорнетки,—
Порхаютъ матушкины дѣтки и проч.

А Ваня, въ это время общаго движенія, когда люди даютъ лошадямъ покой, скромно тянется чрезъ шумный Невскій—на свою *фатеру*—куда ибуть въ

ямскую—покормить гнѣдка и *посидать* самому,—какъ онъ выражается.

Ваня знаетъ на перечетъ всю запоздалую суету столицы... Ему извѣстно—время разѣзда въ клубахъ, изъ театра, или цирка;—онъ знаетъ всѣ свадьбы, всѣ балы, всю блажь денежныхъ людей, всю ихъ прихоть, упивающуюся усталостію къ полночи. И потому его не трудно встрѣтить у воротъ великолѣпно освященнаго дома, или у подъѣзда клуба, или какого нибудь собранія... Здѣсь *машкаратъ* говоритъ онъ—сѣдокъ будетъ, — и ждетъ — и выжидаетъ на вѣрную, чтобы заработать лишній четвертакъ на овесъ саврасенькой, а себѣ на чайникъ ханскаго.— Такъ кончился день.

И Ваня снова мурлыкаетъ заунывную пѣсню, и, чутко прислушиваясь къ шелесту прохожаго, плетется медленно до своего войлока.—

Но въ этомъ Ванѣ есть преобладающіе страсти, особенно чувство любостыжанія развито въ немъ, если саврасенькая принадлежитъ не ему собственно, а хозяину. Тутъ Ваня изощряетъ всѣ свои способности, всю свою мудрость,—изобрѣтаетъ тайникъ въ своихъ сапогахъ, тулупахъ и шапкахъ, что-бы припрятать долю барышей и на свой пай... Но опытъ также умудрилъ хозяина Вани, и Ваня пойманъ...

Ему остается одно средство припрятать лихву въ чужія руки, земляку—припичнику или саячнику.... А совѣсть саячника, нерѣдко также крива,— какъ и калачъ его.

Такимъ образомъ, вамъ часто случается подглядѣть спену достойную карандаша, или кисти наблюдателя.

Вообразите себѣ площадь, вѣчно полную суетливой жизни горожанъ и промышленности. Тамъ; въ перспективѣ, тянутся длинною вереницею возы торговцевъ, которые скрыты отъ вашего взора цѣлою горою сѣна, едва подающагося въ передъ; глядите, какъ развиты здѣсь, въ каждомъ духъ промышленности и любовь къ земнымъ выгодамъ. Вонъ двѣ коровницы; одна собираетъ крохи упавшаго сѣна метелкою, другая ближе къ цѣли—она дѣйствуетъ прямѣе и набираетъ въ фартукъ дороваго корму для своей тѣлки... Отъ взоровъ Вани нескрывается эта картина... Жизнь въ немъ просынается, уловка коровницы напоминаетъ ему и его грѣшки. Съ этими мыслями онъ бросилъ возжи и подошелъ къ земляку саечнику...

— На праздникъ думаю, товарищъ, въ деревню, говоритъ онъ... приноси мои денежки...

— Деньги? спрашиваетъ плутъ саечникъ, уставивъ полувопросительный, полумрачной взоръ на Ваню... ошалѣлъ—ты, что ли?

Пораженный Ваня—еще не пришелъ отъ этого въ положеніе озабоченнаго, онъ съ обычною флегмою, перебираетъ калачи на лоткѣ своего пріятеля...

— Какіе деньги? Вѣстимо, которыя я просилъ тебя схоронить до поры, отвѣчаетъ онъ.

— Рехнулся ты голова, — аль пѣтъ?

— Да ты, што, шутишь, аль и впрямъ отлытывать хочешь?

— Да отъ чего отлытывать то?—хомякъ ты энтакій—прости Господи!

— Землякъ! аль ты креста на шеѣ не носишь?

— Крестъ-то у меня есть, да есть ли у тебя во лбу разумъ?

Тутъ Ваня понимаетъ всю невыгоду своего простодушія, онъ резонится,—молитъ, чуть не плачетъ, но ему все таки отвѣчаютъ, что онъ рехнулся...

— Мазура! заключаетъ Ваня, подавшись ты моимъ добромъ!

Въ этотъ день саврасенькому достается болѣе обыкновеннаго, и обескураженный Ваня къ вечеру въ большомъ куражѣ...

Если бы несуществовало проходныхъ дворовъ въ городѣ, и плутовъ саечниковъ, Ваня былъ бы очень счастливъ....



VIII.

ВАЖНАЯ ШТУКА.

Въ языкѣ простаго русскаго человѣка есть двѣ фразы короткія, но многозначительныя и, какъ нельзя болѣе рисующія его добрую, откровенную натуру. — Если судьба-злодѣйка доѣхала молодца, если невзгода сжала его словно въ тискахъ, а ретивое выболѣло отъ бѣды незванной — и всякая помощь отказалась выручить парня: ничего — ты бѣда-бѣдущая! говорить онъ. Почесалъ за ухомъ, махнулъ рукой, тряхнулъ рукавицей, — ухмыльнулся и молвилъ: а! авось либо! На этомъ *авось* онъ зачастую строитъ свои надежды, которыя у всякаго другаго рухнули бы при первомъ шагѣ впередъ, у него *авось* вывезетъ, и иногда, стряхнетъ съ плечъ горе-горькое и не подкузмитъ ему бѣда-бѣдущая. Простой русскій человѣкъ за свое *авось* прячется сплошь какъ за каменную стѣну.

Тронъ же его самолюбіе, разшевели его ретивое, похвастай ему хоть самъ Илья Муромецъ своими подвигами, хоть Москву въ рѣшетѣ покажи, или ученую

блоху на цѣпочкѣ со шпорами, да дай только приглядѣться, смѣкнуть умомъ-разумомъ, понять въ чемъ дѣло, раскусить премудрость заморскую или штуку — казусную: онъ опять таки полезетъ за ухо, не поморщится, ухмыльнется только — и наивно молвитъ: эка невидаль, диковинна — писанная!... Для ча не смѣкнуть? Раскусили братъ! не дадимъ маху! Важная штука! Подъ послѣдней фразой онъ разумѣетъ: отвѣдали голова! необманешь!... Самъ сдѣлаю. Или просто за просто хочетъ сказать: побоюсь, ужъ дѣло знамо!

Все это мы говоримъ для того, чтобы лучше рассказать старую исторію, изъ которой можно вывести — слѣдующее замѣчаніе: русскій человѣкъ себѣ-наумъ... неподставитъ носъ для щелчка, да ужъ и не поморщится если его скушаетъ; не скажетъ больно! онъ въ этомъ случаѣ отвѣтитъ только: на авось-думалъ, авось и подкузмило!... За то въ азартъ не пойдетъ, на стѣну не полезитъ. Пусть говоритъ заморскій людъ: Русскій простой человѣкъ — медвѣдь; а поглядишь: у этаго медвѣдя спрятано прозапасъ ума-разуму, да смѣтки больше *изнаго*.

Вотъ хоть бы бочарь-Михей Михенчъ... Русскій человѣкъ во всѣхъ статьяхъ! Ни чего, что изъ деревни въ лаптяхъ пришелъ, съ топоромъ за ремесло взялся; да за то своимъ умомъ-разумомъ долото на-

жилъ, всякій инструментъ и мастерскую.... А ужъ жена у него.... краля писанная! такой марьяжъ, что и во снѣ не всякому приснится! пава откормленная! Взглянетъ—рублемъ подарить; слово скажетъ, словно въ ухо золотую сергу вдѣла. А ухмыльнется, такъ Михай Михенхъ себя неслышитъ. Да чего Михай Михенчъ! ужъ дивн бы его обошла зазноба.... нѣтъ... и пріятель-то безъ души—отъ души-Афросимовны!

Вотъ и повадился въ мастерскую Михея Михенча плутъ цѣловальникъ. Только Михай Михенчъ—шастъ изъ дому, за покупкой, или долгами; а Кузмичъ въ мастерскую.... и пошелъ расточать слово нѣжное, да ласку пѣвучую. Войдетъ кроликомъ, а когти высунитъ словно котъ—мышеловъ. Перемолвитъ слово другое съ работниками, да и къ сожительницѣ Михѣича.

— Здравствуй, говоритъ, свѣтъ душа Парасковья Афросимовна!

— Здравствуй, Кузмичъ! здравствуй кормилецъ! что повѣдаешь?

— Да ничего!... забѣжалъ, такъ маненько побалагурить.

— Ахъ-ты гуляка! только бы тебѣ балагурить! отвѣчаетъ Афросимовна, ворочая котлы со щами для артели.

— А нешто мы тѣ противны, Афросимовна?

— Не то што противны, Кузмичъ... да не повадно! Ну, для ча тебя нелегкая несеть, когда хозяйина нѣтъ? Ась?

— Ты чаво раскудахталась, моя цыцарочка? Не ровень часъ, работники на лету слово подхватятъ. Эхъ ты зазноба моя! вотъ такъ бы и пригубилъ твою алую щечку, словно гореть маку съѣлъ бы! Право-слово!

— Отвяжись ты озарникъ! И съ этимъ словомъ масляная чумичка красавицы—щелкнула полбу любезника.... не замай! отстань! ишъ-ты какія турысы править!

— Ой! Ну чего дерешься? полно Афросимовна!...

— Не замай же! не то мокрой тряпичей всю рожу выпачкаю!...

— Вотъ те на! Да што ты энто сего дня, словно обойдена! Ась! не въ своей тарелкѣ Афросимовна?

— Да, не въ своей! А ты вотъ по добру здорову—уходи! Придетъ хозяйинъ, такъ и мнѣ не ладно будетъ.

— Ну ... Ну! полно ртачиться лебедка! Вѣрно лѣвой съ койки сего дня встала! Вечеромъ забѣгу. Авось, малую толику поугомонишься!

Пришелъ Михенчъ, а подмастерье ему на ухо:

— Слышъ ты, говоритъ: Вотъ исторья-то!

— Ой! что тутъ стряслось?

— Да такъ.... маенько неладно въ домѣ?

— Ой ли?... А-ну-ко! что-бы энто за оказія?

Повѣдай голова.

— Чего повѣдай! просто, братъ, бѣда бѣдущая на воротъ тебѣ повисла.

— Ну такъ немаячь, рассказывай! полно балясы то точить.

— Вишь ты какая оказія!

— Ну, ну! Валяй, прислушаю?

— Просто братъ,—голова, дѣло плѣвое! знаешь Кузмича?...

— Эвоя? Ащо-бы!...

— Ну такъ онъ,—братъ! къ Афросимовнѣ что день деньской жалуетъ; только ты за ворота, а онъ къ намъ, да къ твоей сожительницѣ... всякія прелести ей такъ и сыплетъ!

— Ой ли?

— Скажи мнѣ въ глаза, недоброе слово, коли я туманъ въ твои пускаю. Знаешь... придетъ такимъ щеголемъ: рубаха пестрая, волосъ съ затылку подбрить, спереду вискомъ — кольцомъ зачесанъ, сапоги со скрипомъ, рупу запоясъ; ключемъ поигрываетъ, да вотъ словно шарманка лучинушку папѣваетъ. Такіе лести говорить, словно медомъ по губамъ мажетъ. Эй,

Михенчъ! Кузмичъ-то — вѣдь прощальнаго пинтерскій! смотри, чтобъ бѣды не вышло.

— Не боюсь братъ! Дѣло бывалое! кого другаго, а насъ — не проведешь! говоритъ Михенчъ; а самъ все на усь закрутилъ, да и думаетъ: ну... посмотримъ, да только виду неподадимъ, што энтакая напасть насъ зубамъ за сердце хватила! Не осраимъ ни себя, ни хозяйки! не дадимъ работникамъ на зубокъ поднять нашего брата!

— Чего, добавляетъ подмастерье; энтакій озарникъ! Ащо вечеромъ обѣщаль забѣжать сюда.

— Ой ли?... Ну нѣтъ, братъ! ладно-же! смотри... ты, ни гугу—молчекъ!—

Вотъ пришелъ и вечеръ. Въ мастерской Михенча работа киняткомъ кипитъ: кто во что гораздъ... тотъ ремешкомъ подхватилъ волосы,— топоромъ дщице ровняетъ; другой, мурлыча сквозь зубы заунывную пѣсню, взобрался на кадку, да скрестивъ надъ ней жилистые руки, ухватилъ сверло такъ, что вотъ того и гляди дубъ хрустнетъ подъ желѣзомъ. Вошелъ и Михенчъ! Глядь! а у очага Афросимовна хлопочетъ около горшковъ; а около нее,—важно и щегольски закинувъ ногу на ногу, да перебросивъ руку на плечо красавицы... папѣваетъ ей Кузмичъ разныя ласки.

Ухмыльнулся Михенчъ, поправилъ на головѣ мя-

тую ермолку и присѣлъ у кадки, занявъ средину сцены. Въ одной рукѣ у него молотокъ; другая, засученная чуть не по локоть, легла съ долотомъ на душку кадки; а глаза впились въ пріятеля.

— Смекаешь! молвилъ въ полголоса подмастерье, лукаво улыбаясь и подмигивая глазомъ, и также остановивъ любопытный взглядъ на Кузьмичъ и Афроимовичъ.

Долго и неподвижно глядѣлъ Михенчъ на любопытную сцену, неизмѣняя своей простодушной и улыбающейся физиогноміи.... И наконецъ громко сказалъ:

— Важная штука!

Кузьмичъ, услышавъ голосъ хозяина, — отскочилъ отъ очага.

— А! Кузьмичъ! Все ли по добру по здорову? Спросилъ ласково Михенчъ.

— А! Михей Михенчъ!... Слава Богу-съ! живется, не какъ хочется, а какъ можется.

— Ну!... и слава Богу! А что голова! невыпьемъ ли?..

— Для ча не выпить?

— Ну-и важная штука! подь-ко-сюда? Михенчъ отвелъ гостя въ уголь, осторожно тряхнулъ его за воротъ, и улыбаясь сказалъ:

— Слышь-ты, Кузьмичъ! Если я тебя аще когда поймаю подлѣ очага, а паче того подлѣ хозяйки, бѣды-тебѣ не миновать!... испорчу! Ну-слышь! теперь неси зеленаго! такъ-то, добавилъ онъ громко, — выпьемъ дружище! Нонече ты меня попотчуй, а тамъ, при случаѣ, и я тебя, голова... отпотчую. Важная штука!

— Важная штука! Подхватилъ подмастерье, смѣкнувшій дѣломъ.



IX.

ЕЩЕ СОВѢСТЬ НЕ ЗАЗРИЛА.

Въ жизни человѣка есть много минутъ полныхъ или отрадной мечты, или тревожныхъ воспоминаній, — или чисто созерцательныхъ.... Натура цивилизованная умѣетъ отстранить отъ души своей какъ и созерцанія порою докучныя, такъ и воспоминанія, если онѣ не утѣшительны; натура чисто простая, принимаетъ ихъ прямо къ сердцу и чувствуетъ въ эти мгновенія полною душою, чувствомъ неподдѣльнымъ, въ которомъ нѣтъ ничего ложнаго.

Посмотрите на русскаго мужичка, когда онъ подстережетъ первый шопотъ своего сердца: тогда, о, тогда — онъ дѣлается идеаломъ истины; онъ самъ создастъ ее для себя! Подслушайте его первый говоръ — и въ его сердечной фразировкѣ выскажется вамъ человѣкъ, какъ онъ есть.

Гдѣ нибудь у изгорода, или у плетня, или у колодца встрѣтившись съ любимою имъ, онъ измѣняется въ одно мгновенье... Всегда свободный, всегда не застѣнчивый онъ теряется въ одно мгновенье:

— Аксюща.... а! Аксюща? говоритъ парень, — стараясь ухватиться за затылокъ.

— А? Што-те падать, Петровичъ?

— Ничего, такъ — послушай....

— Ну, промолви....

— Да што промолвить? ужъ я те ономиясь, и въ вечеринцѣ — и въ хороводѣ намекалъ; а ты! и Петровичъ укоризненно покачалъ головою и махнулъ отрицательно шапкой....

— Да — ты кажись, опять съизнова все про сватьбу, да про свадьбу.

— Съизнова — Аксинья Степановна! охъ.... ужъ.... вотъ, хоть побожитесь — не выдержу.... растрепала ты мнѣ сердечко.... ночь не въ ночь; день не въ день, просто хожу словно угорѣлый; даже *иужный* разъ и батько спрашиваетъ; что эвто, дескать, съ тобою приключилось?... ахъ въ самомъ дѣлѣ, я те не миль; ты такъ и скажи, не бери грѣха на душу, да не тяни меня въ опостылые. Право больно Степанова.... вотъ хоть въ воду наровить; такъ въ пору....

— Ой ли? —

— Чего — ой-ли — тебя все смѣхъ беретъ, а у меня все ретивое вымираетъ.... Степановна? а Степановна... любовь я тебѣ, ахъ нѣтъ?

— Чего, энто.... и не могли!

— Да ты про што гадаешъ?... скажи только: любовь, али нѣтъ?

И парень еще на два шага подошелъ къ своей зазнобѣ.

— Ой! ужъ ты мнѣ и пи въ моготу, да и не по-разуму....

— Да вѣдь Степановна — только того, молви словечко.

— Ну.... а што те? отвѣчаетъ красавица, стараясь сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ, въ то время, какъ — парень — настукаетъ впередъ. —

— Послунай....

— Ну?

— Можно эдакъ, къ маткѣ твоей съ поклономъ.

— Ой, нѣтъ... не можн. Да отойди отъ меня.

Поглядитъ кто ни наестъ, да опосля повсей деревни обнесетъ, — просто тогда меня со свѣта сживутъ.

Не дала отвѣта Степановна, а молодца полюбила душой.... сохнетъ по немъ, и какъ узнала, что онъ въ Питеръ на заработки собрался, хоть не упала въ обморокъ, да душой выстрадала—какъ умѣетъ страдать женщина, незнакомая ни со спиртомъ ни съ бѣлками.

Вотъ Петровичъ — и въ Питеръ.... Харчевни, да чай, да работа развлекли, да размыкали тоску его горькую;

сначала забылъ про разлуку, а послѣ и объ Степановнѣ.

Съ волками жить по волчьей вѣть, говоритъ поговорка. Какъ измѣняются друзья, такъ измѣнился и Петровичъ....

Дворъ большой, жильцовъ много.... На молодецкое сердце налегла новая зазноба. Про Степановну ужъ и забылъ Петровичъ!....

Да и самъ онъ теперь не тотъ; — отросли усь, завилъ високъ кольцомъ; шапку на одномъ ухѣ носятъ; хоть кому приглянется.... Сталъ онъ барскимъ кучеромъ; въ кампаніяхъ бываетъ — заговорить такъ ужъ не возмется за затылокъ, а все наровитъ или усь покрутить, или ногу впередъ выставить или мѣднымъ ключемъ поиграть, что на поясе вмѣстѣ съ гребнемъ у него виситъ.

Поглядишь на Петровича, что день то обновато рубаха пестрая, то лишняя пуговка на воротѣ, а ужъ самъ въ такой холѣ живетъ, — что только любо посмотреть; каждый день вымоется, голову примаслитъ. Въ лавочкѣ не нуждается; ему теперь ситный и студень не почемъ.... иной разъ онъ пьетъ и кофе, а въ первомъ часу у него и фриштыкъ съ барской кухни является; »тамъ пряженецъ или, какая ни наестъ, похлебка вчерошняя,» какъ онъ самъ выражается. —

кинула ногу на ногу, сдрапировавъ полу своей сибирки.

Марѳа боязливо оглянулась на мать, развѣшивавшую въ эту минуту барское бѣлье и, получавшую его отъ товарки, погрузившей обѣ руки въ глубину корзины.

Примѣтивъ, что мать незамѣчаетъ ее, Марѳа окинула Петровича двусмысленнымъ взглядомъ, ненеремѣнная прежняго положенія.

Увидя ее Петровичъ снова улыбнулся, видимо смѣшался, и, не зная съ чего начать разговоръ, потому что совѣсть вѣрно не совсѣмъ съ нимъ разладилась, спросилъ переминаясь:

Что промолвишь—Марѳа Васильевна, давно тебѣ невидать, гдѣ это вы изволите праздничать?

— Гдѣ?... да все тамъ-же, гдѣ и прежде; а вотъ тебя, такъ недозовешься и недоклчешься.... идешь мимо кухни, а хоть бы поклономъ почествовалъ....

— Вотъ что! можетъ примѣрно сказать: тебѣ думается, что Петровичъ ужъ и отлытать отъ тебя хочетъ?

— Нечего тутъ думать; дѣло видимое! не люди говорятъ, не во снѣ пригрѣзилось—сама все подмѣтила.

— А-ну-ка; что ты эвтимъ-то смѣкаешь?

— Знаемъ, Петровичъ; все знаемъ! не бери грѣха на душу.... не гони и остальную-то совѣсть за двери.

— Эвоя!... какую-ты эвто исторію въ плетку свила?

— Что сплетать-то?... Дѣло писаное; вѣрно чухонка-то, тебя какимъ ни наестъ зельемъ напоила?

— Что-о? Какая чухонка?

— Эво! еще отлытать хочетъ! ну, а кухарка нѣмца? Марѳа погрозила укорительно пальцемъ.— И... не заикайся отпираться.... продолжала она, не обманешь; все знаю.... Смотри, что бы опосля руки на себя не поднять!... я по тебѣ такъ захирѣвши, хоть въ воду съ камнемъ готова.... жизнь опостыла!... Для тебя я хоть на самый край свѣта готова... а она?... знаемъ мы ихъ натуру—по ниткѣ карманъ растащить; послѣднюю сибирку съ плечъ стянуть.... а послѣ и кайся!

— Да что ты Марѳуша.... аль въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я

— Знаемъ.... безъ нее тебѣ и день не въ моготу продпевать.

— Алъ нѣтъ! рѣшительно сказалъ Петровичъ.... Не будетъ этаго!... еще не скрутила молодца какая ни наестъ чухонка....

Зато поглядишь — вечеркомъ у конюшни или у прачешной, Петровичъ — такъ голубкомъ и воркуетъ съ сосѣдкой: что Марфуша, говоритъ онъ, господа-то чай не дома?

— Въ кѣтеръ поѣхали.

— Да въ большой что-ли?

— Чего — большой?

— Вѣстимо чего: я те спрашиваю, въ большой кѣтеръ, али въ Михайловскій?

— А кто ихъ вѣдаетъ? горничная болтала про какихъ то тальянцевъ.

— Ну.... знаю... эвто на большомъ; съ выраженіемъ знатока отвѣчаетъ Петровичъ.... Да, ужъ какъ пораскажутъ — есть на что и посмотрѣть, говорятъ, тамъ есть энтакая краля — что твоя спинца поетъ.... или другая, — словно перепелка съ вѣтки на вѣтку прыгаетъ.... Вотъ ужъ говорятъ выплясываетъ такъ, что всѣ глаза проглядишь....

Такъ Петровичъ — коротаешь свои вечера, а между тѣмъ не забываетъ ни харчевни, ни пріятелей.... избаловался въ Питерѣ паренъ — и совѣсти ужъ не такъ боится, какъ въ то золотое время когда онъ на барщину ходилъ, да невѣдалъ, какъ пьютъ чай.

Взгрустнулось и Марѣ, какъ взгрустнулось, когда-то Степановѣ, которая, впрочемъ, не долго грустила о немъ.

Дѣвичьи слезы роса; взойдетъ солнце — росу высушить, говоритъ пословица — такъ оно и збылось, Степановна погрустила-погрустила о Петровичѣ и вышла замужъ.

Тогда то, онъ и самъ съ непродолжительнаго горя, полюбилъ Марѣ, привлеченную къ нему и румянцемъ его, и слово-охотливостію, и молодецкою удалію и расторопностію.

Не одинъ разъ подмѣчала она, какъ ея зазноба ласковымъ словомъ, да привѣтной улыбкой встрѣчаетъ бѣловолосую чухонку — кухарку часового мастера. Однажды она примѣтила его въ дружелюбной бесѣдѣ съ нею у конюшни.

— Дай, думаетъ Марѣ, — за одно ужъ отпою; все поконьчу; ужъ коли для него брань на вороту не виснетъ, да и совѣсть онъ на чаю пропилъ, такъ мнѣ, горемычной, толь-ко слезу утереть; да послѣднее слово съ нимъ перемолвить....

И Марѣ подошла къ конюшнѣ, у которой сидѣлъ Петровичъ: поставила корзину съ бѣльемъ на изгородь и положивъ на нее лѣвую руку, правою поправила шугай. —

Петровичъ улыбнулся, изогнулъ на бокъ шляпу, покрутилъ усь, и, съ особенною развязностію, за-

— Анъ будетъ!... Все вижу.— Богъ съ тобой! меня-свояка, на заморщину вымѣнятъ.... забудь меня горемычную.... ужъ выплачу горе, да заѣмъ тоской мою бѣду — вотъ и все тутъ; а тебѣ и взгляду не покажу.

— Да и тоски-то большой не будетъ, такъ говорю съ досады; видали мы такихъ какъ ты! вдоволь—Что мнѣ ты? встрѣтились и разошлись! экая бѣда....

Ревность и самолюбіе заиграли въ сердца Петровича.... Это самые лутчіе двигатели остывшаго чувства...

— Говорю тебѣ Марѳа, не будетъ этаго! еще

рѣшительнѣе повторилъ онъ.... Вотъ-на.... давай руку!

Марѳа протянула руку....

Петровичъ ударилъ по ней съ обычнымъ жаромъ, ухмыльнулся и весело примолвилъ:

Знай нашихъ!... завтра же выпрошу у барина позволенія обзавестись домкомъ, да хозяйкой. Идемъ къ матери.... ащо наша совѣсть пезазрѣла!... Намнѣ вѣдь и крестъ есть!

И съ этими словами будущіе сожители съ сожительницею, довольные другъ другомъ, отправились къ старухѣ, развѣшивавшей бѣлье въ глубинѣ двора....





Х. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДВОРНИКЪ.

І.

Если вы никогда не наблюдали раннего, Петербургского утра и хотите знать всё его особенности, — то обратитесь къ дворнику.... Онъ подглядѣлъ всё элементы столпной зарп. Въ то время, какъ суетливый городъ погруженъ еще въ обычный сонъ, и упивается грезами и его макомъ, — дворникъ, вооруженный метлою и лопатою, — уже встрѣчаетъ радужнымъ зѣвкомъ восходъ солнца или струйки сѣренькаго свѣта — мелькнувшаго на востокѣ. Онъ первый встрѣчаетъ заѣзжаго чухонца, сливочника; первый промолвить слово охтенки, которая вѣтся всѣмъ тѣломъ подъ тяжестію своего коромысла, и первый раздѣлитъ дружескую щепоть зеленчаку съ блюстителемъ тишины; первый отвѣтитъ обязательнымъ зѣвкомъ, на непремѣнный зѣвокъ мелочнаго лавочника, который, не безъ сожалѣнія, выползъ изъ подъ своего тулупа, чтобы распахнуть свою лавку для обычныхъ гостей — кухарокъ и лакеевъ....

Городъ начинаетъ оживать, — домъ проснулся — и метла дворника уже поставлена между одною половиною раскрытыхъ воротъ и стѣною. — Улыбаясь горничной, мелькнувшей подъ его посомъ съ сухарнымъ судкомъ и маленькою замасленною тетрадкой, дворникъ рассыпается теперь въ любезностяхъ съ кухарками, справляющимися о водовозѣ, имѣющимъ привычку являться не въ срокъ, или опаздывать, и здѣсь же, напоминаетъ хозяйскому лакею о небольшомъ долгѣ....

Теперь уже настаетъ колей его суеты и, вотъ, онъ, навьюченный полсотнею полѣньевъ, тянется съ этою ношею въ третій, иногда въ четвертый и даже въ пятый этажъ..... Тамъ выслушавъ два, или три упрека отъ кухарки Агафьи, за шумный и трескучій эффектъ, произведенный неосторожно сброшенною ношею онъ иногда принимаетъ снисходительную подачку почтеннаго жильца — въ видѣ рюмки теплотворнаго пѣнника...

О сколько бы мы могли вынести, поглядѣть и рассказать любопытному свѣту — семейныхъ тайнъ: щекотливыхъ, грустныхъ, часто то комическихъ, то сильно драматическихъ, — еслибы судьба, хотя бы на одинъ часъ, поставила насъ на мѣсто дворника въ любую кухню пяти-этажнаго дома!... А онъ, равнодушный зритель, безъ всякаго вниманія пропускаетъ

— все, подвертывающееся его взгляду; — онъ не вникаетъ въ нахмуренное чело жильца — и озадаченный единственно лишь запахомъ жаренаго кофе и обдаанный паромъ утренняго самовара, — бросаетъ пѣжный взглядъ на солидный кусокъ телятины мысленно заглядывая при этомъ въ харчевню....

Еще метла его недобѣжала до послѣдней ступеньки лѣстницы, какъ знакомый окликъ форейтора заставляетъ сладко забиться его сердце мечтою о квадратномъ кусочкѣ рефинаду и думою о солидномъ чайникѣ, полномъ, по самые края кипяткомъ....

Лобъ дворника наконецъ дѣлается мокръ, шапка тоже: это значитъ, что уже обычный визитъ расписной рестораціи отданъ и онъ снова возвратился въ свое мусорное владѣніе. До сихъ поръ — всё идетъ обычною чредою.... Но наступаетъ полдень — и декорация его жизни покрывается новыми тѣнями и спокойный духъ его возмущенъ появленіемъ у помойной ямы дерзкаго тряпичника, съ которыми дворники и собаки въ вѣчной враждѣ....

Но вотъ — и вы!... Звонокъ, другой.... Да, гдѣ же дворникъ?

— Здѣсь — я дворникъ; для ча вамъ? откликнется онъ, рѣдко удостоивъ васъ поднятіемъ картуза или ласковымъ взглядомъ.

— Что, любезный, здѣсь, кажется, отдается квартира? спрашиваете вы.

— Есть.... отдается, да велика больно для васъ будетъ.

— Ничего, братецъ.... покажи.

— Показать, для чего не показать; да вѣдь восемь комнатъ....

— Эхъ, какой же ты чудакъ!... Ну что за бѣда, что восемь?

— Вѣстимо не бѣда.... Пожалуйте.... только что *маненчико* высоко будетъ.

И раздосадованные его словоохотливостію — вы оступаетесь на каждомъ шагу, взбираясь вверхъ по темнымъ лѣстницамъ; минутъ пять, или десять потомъ остановленные у дверей квартиры, вы выслушиваете маленькую тираду на несправность хозяина и поломанные ключи — и за тѣмъ слышите, неизбежное: «Фатера сударь важная! Пока вы обѣжите всѣ комнаты, дворникъ неупуститъ случая рассказать вамъ пресловутую исторію о постояльцахъ, запимавшихъ эти апартаменты и о томъ, что у нихъ была *предранная* и *неучливая* собака....

Вечера всегда и непременно дворникъ, коротаетъ въ мѣлочной лавкѣ, или въ конюшнѣ азартно козыряя *жлудями*, или сидя рука объ руку, на веселѣ, съ

землякомъ въ своей комнаткѣ, которая только тѣмъ и отличается отъ собачьей конуры, что владѣлецъ ея влезаетъ туда — не въ окно, а въ приземистыя двѣри, всегда украшенныя — именемъ его почтеннаго званія....

Смерклося.... ночь; надворные огни блѣднѣютъ, меркнутъ и исчезаютъ. Съ послѣднимъ вздохомъ свѣчки и первую дремотою кухарки, могучая рука дворника уже гремитъ тяжелымъ запоромъ воротъ.... Еще минута и онъ, или упрятавъ свою голову въ воротникъ пагольнаго тулуна, дразнить носомъ злой морозъ, или дремлетъ подъ обаятельный скрипъ савей и перебрапку извошниковъ,—или, прикрытый тѣмъ же тулуномъ, тревожно засыпаетъ на рогожѣ, готовый по первому дребезжанію колокольчика бѣжать къ калиткѣ....

Вотъ слабый и быть можетъ не совсѣмъ вѣрный портретъ Петербургскаго дворника... расскажем теперь коротенькій эпизодъ изъ его жизни.

II.

Мы забыли сказать, что дворники, по нашему мнѣнію, подраздѣляются на два рода: на дворниковъ нижняго и верхняго полета. Къ первымъ принадлежатъ типы уже нами обрисованные; ко вторымъ, неизмѣнно тѣ, которымъ судьба еще при рожденіи

принесла на зубокъ смѣтливость, а первый возрастъ подарилъ нѣсколько лишнихъ тумановъ при изученіи азбуки.... Къ таковымъ дворникамъ принадлежатъ тѣ, которые бываютъ такъ горды своимъ умѣньемъ считать до сотни — и не то чтобы по пальцамъ; тѣ, къ которымъ такъ довѣрчивъ домохозяинъ, что предоставилъ ихъ произволу домовую книгу, втиснутую въ переплетъ, маслянишій какъ праздничная аладья; тѣ, которые владѣютъ своимъ собственнымъ, благопріобрѣтеннымъ самоваромъ и семиструнною гитарою, изгнавъ махорку и, потѣшая вкусъ свой нѣжинскими корешками.... Таковъ то и былъ нашъ Харитонъ Козырьковъ, — подстриженный, подбритый, даже съ претензіями на височки, и неизмѣнно являвшійся въ воротахъ или за ними въ чистомъ фартукѣ, въ сапогахъ, смазанныхъ не дегтемъ но ворванью; въ маленькой круглой шапкѣ, надъ которой бы могъ призадуматься самый опытный костюмеръ, не зная къ какой породѣ ермолокъ причислить ее....

Однажды, въ морозный Ноябрьскій полдень, разбранивши дерзновеннаго Ваньку, расположившагося было покормить свою саврасенькую у панели принадлежавшей вѣдѣнію Харитона, и погрозивъ ему выразительно метлой, Харитонъ спустился въ свой подвальный чуланъ.

— Эге.... да ты здѣсь! вскричалъ онъ, встрѣтивъ у себя неожиданно кухарку третьяго этажа. Прятка больно.... между глазъ проскочила.... Право слово: я тебя и недоглядѣлъ.... Ну, чего жъ ты стоишь? продолжалъ Харитонъ.... Коли пришла незванная, такъ не посадить же тебя на лопату, да и вонъ изъ хаты....

— Охъ, ужъ ты красобай, балагуръ—сказочный! отвѣчала кухарка.... все не съ проста!... что слово, то съ конфузомъ.

— Шоло — Аксюха — туманъ-то разводить.... Поди-ка Филька—енаральскій фарейтуръ, иной разъ, краснѣй нашего словцо подкинетъ.

— Шу.... Дался ему Филька.... И,— братъ, не коли имъ глазу: я и смотрѣть то нехочу на этакое мурло.... вотъ что!

— Ой ли? Врешь Аксюха.... Пословица молвитъ: бабьяго сердца не спознаешь.... Почитай и ты, примѣрно сказать, языкомъ Фильку коринь, а ретивымъ по немъ болишь? Знаемъ-ста вашего брата....

— Знаемъ! Ишь-ты знахарь-какой.... На-ка, лучше — отвѣдай моей стряппи....

Съ этими словами, Аксинья, вынула изъ подъ фартука порядочный кусокъ жаркаго и положила его на столъ предъ улыбающимся Харитономъ.

Въ эту минуту надъ ухомъ Харитона громко звякнулъ колокольчикъ.

— Кого это тамъ нелегкая принесла? сказалъ Харитонъ, и, бросивъ нѣжный взглядъ сперва на кусокъ мяса, а потомъ уже на Аксинью, онъ вышелъ за двери.

Густой паръ, вырвавшийся изъ дворницкой, теплымъ облакомъ покрылъ высокаго и виднаго молодого человѣка, закутаннаго въ енотовую шубу.

— Здѣсь отдается квартира? спросилъ молодой человѣкъ.

— Отдается..... да больно мала: одна комната только....

— Мнѣ братъ, такую и надо!

— Да вѣдь высоко сударь: въ пятомъ этажѣ....

— Въ пятомъ?... Гм!... Ничего.... покажи.

— Показать — для чего не показать; обождите *маненчко*; вотъ заключемъ сбѣгаю.

Енотовая шуба покрякивая и, оттирая замерзшія щеки—недолго дожидалась Харитона. Дворникъ явился и, потряхивая связкою ключей, почти бѣгомъ пустился въ пятый этажъ. За нимъ слѣдовала шуба.

— Ухъ! конецъ, что ли? спрашивалъ молодой человѣкъ, видимо недовольный длинными ногами дворника, подъ которыми ступеньки мелькали по двѣ и по три, разомъ.

— Пришли, отвѣчалъ Харитонъ, вздохнувъ полною грудью.... II, вслѣдъ за его шикомъ, изъ растворенныхъ дверей, въ лицо незнакомца пахнуло холодомъ и сыростію. Не обращая, однакоже, на это вниманія—молодой человѣкъ храбро переступилъ порогъ комнаты, вымѣрилъ ее тремя шагами, заглянулъ въ окно, изъ котораго замѣтилъ русскую головку своей будущей сосѣдки, значительно улыбнулся, шагнулъ еще и обратился къ дворнику съ обычнымъ вопросомъ:

— Дорога-ли?

— Шесть рублей.

— Серебромъ?

Харитонъ значительно улыбнулся и наивно отвѣчалъ: Да ктожь, сударь, *попчи* считаетъ на ассигнаціи? *Попчи* ужъ, знамо дѣло, щетъ на серебро.

— Такъ, такъ пріятель. Ну а дешевле?

— Дешевле? не можемъ-съ.... Фатера теплая, да и съ поконъ вѣку въ одной цѣнѣ ходитъ.

— Ладно; хорошо! Шесть такъ шесть. Вотъ тебѣ братецъ задатокъ... Завтра я переѣду.

III.

Было утро, морозъ трещалъ на дворѣ, расписавъ замысловатыми узорами стекла въ единственномъ окнѣ

новой квартиры молодого человѣка. Сухой снегъ дребезжалъ, въ эти росписенныя стекла, и вѣтеръ, завывая въ трубѣ не топленной печки, изрѣдка подщелкивалъ выюшками. При первомъ шагѣ за порогъ этой комнаты можно было подумать, что она всё еще такъ же необитаема какъ и на канунѣ; въ ней царствовали тотъ же холодъ и та же сырость....

Владѣлецъ этой комнаты и этихъ мрачныхъ стѣнъ, изукрашенныхъ серебрянными змѣйками—выступившаго на нихъ снѣгу, насвистывая какую-то элегическую аріету и, закутанный въ неизмѣнную шубу, въ раздумьи ходилъ отъ окна къ порогу и отъ порога къ окну.

Бѣда какая! думалъ молодой человѣкъ... перебраться съ полтинникомъ на эту вышку, чуть не въ пятый этажъ.... Ужасно! никогда я не былъ въ такомъ плохомъ положеніи.... просто ужасъ!... II если не поспѣшитъ меня выручить мой почтенный опекунъ, такъ я не буду знать что дѣлать. Бѣда да и только! продолжалъ онъ и погода-то стоитъ какая несносная! Ну, на что это похоже? Еще только ноябрь, а морозъ въ двадцать градусовъ.... Фу ты пропасть! не чѣмъ даже печки истопить....

II онъ подошелъ къ окну.

Попытать развѣ у дворника? прошенталъ новый жилецъ.— Съ этою мыслию онъ открылъ форточку и крикнулъ изовсѣхъ силъ: Харитонъ! Харитонъ!

Черезъ пять минутъ услужливый Харитонъ явился на зовъ новаго постояльца,—

— А! Харитонъ!... здорово братецъ!...

— Здравствуйте Михаилъ Петровичъ, что сказать изволите.... какъ кликали?

— Звалъ, братецъ, звалъ! Вотъ, видишь ли Харитонюшка, дѣло до тебя есть, не большое... этакое... сказать откровенно.... Вѣдь съ тобой можно быть откровеннымъ?... не разболтаешь?

И! что вы, сударь? не извольте имѣть сумленія; я вѣдь ни какой нибуто облыжный....

— Знаю, знаю! Ужъ нельзя тебѣ скажу: что я въ чѣловѣкѣ никогда не ошибусь.... Вотъ только взглянулъ на тебя, тотчасъ подумалъ: какой онъ долженъ быть лихой дворникъ.... право!

— Благодаримъ покорно-съ

— Не за что Харитонъ.... какъ бишь тебя по батюшкѣ то?

— Анисимовъ-съ.

— Не за что Харитонъ Анисимовичъ... доброму чловѣку-вездѣ добро. Ну такъ вотъ видишь ли; дѣла

мои, какъ бы тебѣ сказать?... Больно плохи!... понимаешь....

— Какъ не понять.

— То-то! Знаешь. Вотъ я жду теперь отъ опекуна денегъ.... жду съ часу на часъ: не сегодня такъ завтра почталіонъ явится съ повѣсткой.... Право! Ну, а покамѣсть на зубы то положить нечего.... да и морозъ-то!... Чувствуешь, какой у меня морозъ?

— Да у васъ больно сиверко!

— Жестоко, братецъ! Просто ужасъ! Такъ вотъ я и хочу тебя просить.... Только это между.... нами.... Нельзя ли, душа моя, поленцовъ пятокъ — этакъ? А? Сдѣлай, братъ, дружбу....

— Да, гдѣ жъ я ихъ возьму? Вѣдь у меня молвить правду матку, дровъ-то нѣтъ.

— Перестань, душа Харитонъ Анисимовичъ! купи на свои деньги; получу—отдамъ съ лихвой.

— Эхъ, сударь — жаль мнѣ васъ, что дѣлать — извольте. Займу дровъ у генеральскихъ людей.

— А, что это за генераль живетъ у васъ?

— Отставной какой-то.... и служба у него всё, правду сказать, славный народъ!... Вотъ, хоть бы кухарка.... ужъ какая баба, что почитай всякой крали марьяжнѣе будетъ.

— Гм!... вотъ что!

— Да-съ, добръющая баба! думаю на ней жениться.... Да вотъ бѣда: мясоѣдъ проходитъ, а еще не смогу денегъ сколотить. А, баба, сударь, славная, была бы такая хозяйка, что ни разу на нее погрозить не надо... право слово, сударь! Такъ обождите манечко, вечеркомъ. И Харитонъ вышелъ, а молодой человѣкъ, подщелкнувъ пальцемъ — подумалъ: Славно! дрова есть, авось и табаку добудемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Харитонъ, доставлялъ голодающему жильцу дрова и, даже, при помощи своего радужнаго старанія далъ ему средство кредитоваться въ мелочной и табачной лавкахъ.

А между тѣмъ сомнѣніе уже начинало заползати въ сердце Харитона.

— Не падуваетъ ли онъ меня? думалъ онъ.... Сунуть-то золотыя горы, да что то опекутъ-то его ужъ больно долго маячить деньгами?

Точно, съ такими черными мыслями, безпрестанно смѣнявшимися думою о свадьбѣ, Харитонъ взялъ однажды метлу и вышелъ за ворота съ непремѣнною цѣлью разсѣяться и потаскать за вихры трехъ мальчишекъ, дерзнувшихъ въ его воротахъ играть въ бабки и слѣдовательно шумѣть на весь дворъ.

И вдругъ сердце его вздрогнуло, и забило страш-

ную тревогу при видѣ бронзоваго орла, мелькнувшаго на киверѣ почталіона....

О, читатель! Согласитесь, что почталіонская сумка и безстрастный видъ ея владѣльца, когда нибудь производили на васъ впечатлѣніе.... непремѣнно производили! Въ этой сумкѣ заключены бывають: слезы, радость и напѣвы любви, нескренность и обманъ, вѣсть о новорожденномъ и приглашеніе на похороны...

Ужъ не къ моему ли постояльцу? подумалъ Харитонъ. Кого надо? спросилъ онъ, перекинувъ метлу въ лѣвую руку.

— Повѣстка Михаилу Петровичу Сукову, отвѣчалъ Петербургскій Меркурій, пристально вглядываясь въ адресъ.

Харитонъ вздрогнулъ, но — неизмѣняя своему прежнему хладнокровію, поднялъ правую руку и указывая ею вверхъ сказалъ:

— Здѣсь! въ пятый этажъ № 54.... Пойдемъ провожу....

Съ этими словами, дворникъ, бѣгомъ пустился по крутой лѣстницѣ и съ шумомъ распахнулъ двери страдальца, почти, втокнувъ къ нему вѣстника радости.

При видѣ почталіона Михаилъ Петровичъ какъ безумный прыгнулъ съ своего матраца....

Въ одно мгновеніе онъ вырвалъ изъ рукъ почтальона повѣстку и, задыхаясь, только могъ прошептать:

— Двѣ.... тысячи серебромъ!

— Двѣ тысячи!... Знать! Лихо! повторилъ Харитонъ.

— Харитонъ! вскричалъ молодой человѣкъ, дай ему братецъ, гривну! рубль! пять! Завтра получишь сто! Слышь сто! И съ Богомъ готовься съ

своей бабой подъ вѣнецъ. Да забудь въ бельэтажѣ отопить пустую квартиру.... я туда переберусь....

Харитонъ, не помня себя отъ радости, тутъ же опустилъ руку за голенище своего сапога, вытащилъ кожаный трехъ-цвѣтный мѣшокъ и, отсчитавъ почтальону сказанную сумму, бросился со всѣхъ ногъ радовать свою невѣсту.



XI.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Лоскутокъ изъ Дневника.)

«Сосѣдъ мой строить домъ; другой бы на моемъ мѣстѣ считалъ это едва ли не наказаньемъ, а мнѣ ничего! я даже очень счастливъ, когда звукъ топоровъ и складная пѣсня работника разбудятъ меня съ восходомъ солнца... я просыпаюсь отворяю окно, закуриваю трубку и люблюсь картиной-труда, прислушиваясь къ говору мужичковъ, къ ихъ веселой остротѣ, когда они, отдыхая за незатѣйливымъ завтракомъ, перекидываются бойкимъ словцомъ. Вотъ они снова за работою; та же пѣсня, тотъ же отрывистый говоръ! но еще нѣсколько часовъ, и новый шабашъ.... каждый вскидываетъ на плечи кожаный мѣшокъ съ инструментами, положивъ за поясъ топоръ, а на плечо отрубокъ дерева, который несетъ въ артель, придерживаясь родной пословицы: съ мѣру по шиткѣ — бѣдному рубаха, съ рукъ по полѣну — на день артели топливо есть! Въ эти минуты, пока еще не собралась вся артель, двое или трое изъ нихъ останавливаются побесѣдовать. И, вотъ, какой разсказъ подслушалъ я

сегодня. Разсказъ этотъ, какъ нельзя вѣрнѣе, рисуетъ добрую натуру русскаго человѣка.

Два плотника, съ полнымъ запасомъ своихъ инструментовъ вышли на улицу и, поджидая товарищей — остановились у забора — противъ моего окна.

Одинъ изъ нихъ, одѣтый въ полушубокъ и армякъ, поправилъ на головѣ шапку, повертѣлъ топоромъ и, молча, опустился на груды складенныхъ плитъ.

— Слышь.... вы, головы! для-ча не шабашите? спросилъ другой, обращаясь къ двумъ печникамъ, мѣсившимъ глину.

— *Обожди маненько*, такъ и отшабашимъ; нехочется бросать начатаго; вотъ покончимъ, да и въ артельную — ко щамъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Не лиха бѣда, отозвался сидѣвшій плотникъ, малую толику и въ шабашку понатужиться. Не лѣтняя пора! неоттянетъ рукъ; ну — вотъ ужъ и осень пришла; почитай скоро и по деревнямъ....

— Да, голова, подхватилъ другой, скоро и въ деревню! вотъ я, *лѣтась* переслалъ домой рублей до сотни, да *ащо* и съ собой понесу — почитай столько же.

— Ой-ли! Ну братъ.... дѣло! а у меня *попиче* заработка плохи были.... много, коли сто рублей, али съ полсотни снесу хозяйкѣ.

— Да нешто ты женать Паромоныч!...

— Эвоя! *ащо* по *запрошную* весну дѣло-то сладилъ. Ну — и коровенку и лошаденку тестъ далъ — избенку выстроилъ; право! такое благопріятствіе, что и сердцемъ непарадуешься! Что дѣлать? и зазорно бы было барышнить въ женитьбѣ; да какъ насупротивъ-то обычая пойдешь?... Ужъ *попиче* порядокъ таковъ!... возмешь жену, да и всякаго хозяйства въ придачу; нето-што встарину бывало! вотъ примѣрно сказать, дѣдъ мой на бабкѣ женился; такъ ужъ истинно по человѣчеству женился....

— Ой-ли?

— Право слово! ужъ можно человѣка добромъ помянуть! Вѣдь какая братъ оказія, такъ любо вспомнить! Вишь ты, какъ дѣло-то было: гдѣ теперь село наше, тутъ годовъ шестьдесятъ назадъ — была просто деревенька. Всему голова въ ней былъ прикащикъ. Господа-то наѣзжали рѣдко. — Ну и прикащикъ-ать, прости Господи, былъ что волкъ въ овчарнѣ.... вотъ и случилась, братецъ ты мой, исторія.... Умеръ пономарь, да передъ смертю и оставъ свои денежки прикащику, а съ ними дочь. Чтожъ бы ты думалъ? лихой человѣкъ, — не тѣмъ будь онъ помянутъ, денежки то пригребъ къ рукамъ, да и угомонилъ ихъ.

— О!... Ишь-ты какой!... ну, — а сиротина-то?

— Слушай!... вѣстимо дѣло, — та пора была не попишней чета; *попиче* вездѣ сыщешь судъ, да праву; ну тогда было иначе, какъ дѣдъ рассказываетъ; къ подъячему и неподходи — бывало.... слова не вымолвить, коли ему гроша не положишь.... Вотъ, душа ты моя, и пришла дѣвкѣ доля постылая.... Прикащикъ деньгу-то промоталъ, да на сиротину же и векинулся: хлѣбъ, говоритъ, мой ѣшь; тяжело мнѣ тебя кормить — да поить; своя семья на шеѣ сѣдитъ; ступай, говоритъ, куда знаешь, аль замужъ отдамъ ужъ за кого нинаестъ — сама вѣдаешь, въ твоей долѣ выбрать не изчего!

— Вотъ — змыдень-то! креста-то стало быть на немъ не было?...

— Да ужъ вѣрно такъ! Бога позабылъ, зарылся въ удачѣ — да счастье....

— Ну — такъ, какъ же евто: чѣмъ же дѣло-то порѣшилось?...

— Вотъ, сударь ты мой, надо тебѣ сказать, что сирота-то была красоты писанной, заглядѣнье дѣвица! И приглянись она старому вдовцу.

— Хе!... а онъ приглянулся ли ей?

— Ужъ вѣстимо нѣтъ. Старикъ-то, видно, былъ не промахъ.... Ударилъ челомъ прикащику, а тотъ —

только бы сбыть дѣвку съ рукъ, и порукамъ ударилъ. Заболѣло ретивое у дѣвицы; стало быть черезъ край горе полилось... Она въ слезы: не хочу, говорить, за старика! ужъ и такъ вѣкъ мой заѣли, да онъ допытаетъ остальную долю. Шѣтъ, говорить, какъ хочешь! лучше хлѣбомъ не корми, да не продавай меня въ неволю горькую....

— Э.... вишь ты!... Ну, а прикащикъ?

— Что прикащикъ? Махнулъ рукой, да и сговоръ назначилъ. Вотъ сударь ты мой, собрались гости на вечерницу.... тамъ кумовья, кумушки, дѣвки-голубушки, да парни деревенскіе, а съ ними и дѣдъ мой. Плачетъ дѣвка! вотъ уперлась руками и ногами — нехочетъ... силой подъ вѣнецъ тащатъ. Горько стало моему дѣду, разжалобилась душа, хотъ въ азартъ готовъ! а какъ хлѣбнулъ чарку, другую, душа-то и заговорила еще больше....

— Задумался молодецъ, да какъ поведетъ по избѣ глазами; всталъ, избоченился, подошелъ къ дѣвицѣ доброй поступью — и сѣлъ подлѣ голубки. Что, говорить, Марья Власьевна, аль и въ самомъ дѣлѣ

хотятъ вѣкъ твой заѣсть!... такъ не будетъ *этого*, Знай нашихъ!...

— Вотъ — голова!... Ну!...

— Всѣ, знаешь, на него глаза и выпучили, что эвто, дескать Анкудиновъ — никакъ ряхнулся! А — онъ себѣ возми еѣ за руку, да и говорить:

— Коли тебѣ эвтотъ старый-неугомонникъ не милъ, иди за меня. Правда, голубка, у меня ничего нѣтъ; да Богъ за доброе дѣло благословитъ меня: заживемъ припѣваючи! — была бы голова, да руки, а на святой православной Русси прокормиться всегда можно. Ну, идишь — што-ли? Иду, говорить сиротина: иду добрый человекъ....

— Лихо братъ, вотъ лихо! Ну?

— Ну, чегожъ тебѣ больше? Видя то, старикъ самъ передумалъ, а прикащику было все-равно.... Марья Власьевна была моею бабкою....

— Лихо — голова! Вотъ по христіански сдѣлано дѣло! вотъ добрый человекъ! заключилъ плотникъ...

Въ это время артель собралась и мужички, вооруженные топливомъ, съ веселымъ говоромъ отправились обѣдать.



И. Щегровский

ХІІ.

РУССКАЯ СИЛА.

Съ русскою совѣстью, сноровкою, отвагой, да силой — хоть вѣсь свѣтъ исходи... не споткнешься; — а ужъ на послѣднюю, словно на каменную гору, надѣяться можно. Да и — что это за натура у русскаго человѣка?... поглядишь, словно изъ желѣза выкованъ; все ему ни почемъ: ни вьюги, ни морозы!... Онъ съ однимъ кулакомъ, въ старину, бывало, на бой вызывалъ цѣлую ватагу бусурманскую, и вооруженный только отвагой, да рогатиной, на медвѣдя идетъ, будтобъ на котенка; сломя, говоритъ, дай только изнамярится, а ужъ вѣрота не подставлю, у *топтыгина* въ когтяхъ не запутаюсь. Не даромъ русская сказка сочинила Илью Муромца, что тридцать лѣтъ съ недѣлями сиднемъ-сидѣлъ, и про Соловья разбойника, сидѣвшаго на семи дубахъ, у котораго отъ одного молодецкаго поевнесту лѣсъ, словно отъ вихря, лоскомъ ложился, а листочки, какъ осенью — дождемъ на землю сыпались... Въ этихъ сказочныхъ витязяхъ все отраженіе русской богатырской силы, вся мощь сѣвернаго

атлета, вскормленнаго непогодою и холодомъ родной стороны. Посмотрите на русскаго водовоза... ему ни почемъ цѣлую полѣвину, ради шутки — стащить въ пятый этажъ, и унести, за споромъ, хоть два раза назадъ столько же; а у ломоваго извозчика иной разъ за спиной — гора-горой, а онъ несетъ и неморщится. Подбросить куль — легко, безъ натуги, будто комара съ посу щелчкомъ согнать. За то ужъ этотъ народъ и небережетъ про запасъ своей силы; вездѣ готовъ съ нею, на помощь, первый: съ лошадыю въ телѣгу впряжется, и, какъ пить — дать, тяжелый возъ изъ грязи и бѣды выручить. А ужъ, — гдѣ за споромъ дѣло стало, не замаетъ! развернется и однимъ кулакомъ врага, какъ траву выкосить. — Послушаемъ иной разъ стариковъ о томъ, какъ въ старину на святой Руси силой мѣрялись, да удалъ молодецкую пытали, такъ, право, и повѣрить трудно....

Вотъ какъ жили наши дѣды,
Въ вѣчно памятныхъ годахъ:
Ихъ не сытные обѣды
Присыщали на пирахъ....
Не мальвазія хмѣльная,
Чѣмъ хмѣляла старина;
И не дѣва молодая,
И не звонкая струна.
Имъ и пиръ не въ пиръ бывало,

Если челядь у крыльца
Ихъ борьбой не потѣшала;
Если виднаго бойца
Не сломилъ удалой Гришка...
Если только у толпы,
Изъ закинутой ковришки,—
Не подбиты были лбы.
Имъ давай арену — травли,
Да медвѣдя, да борцевъ,
Да рогатину, — да грабли,
Да могучихъ удалцовъ!

Въ самомъ дѣлѣ, въ старину это бывало; но слава Богу — такія понятія о навѣкѣ къ удалству и къ развитію силы миновались. Русскій человѣкъ понялъ, что безумно драться для потѣхи, и что сила его, да удалъ лучше пригодятся, когда надобна, отстоять родину, отплатить врагу зубоскалу.

Отчаянные кулачные бои, цѣлыми ватагами, нынѣ къ благополучію русскаго простолюдина, стали для него только прошедшимъ. Въ настоящее время даже борьба — схватка подъ поясъ, прекратилась.

Лишь отъ одного наслажденія: — потрянуть немногo пріятеля — не скоро отвыкнетъ русскій дѣтина! да и какъ ему это сдѣлать?...

Въ морозный день — Ванька передрогъ до мозговъ, ожидая сѣдока; пощелкивая зубами и похлопывая ру-

кавицей, — онъ невольно подзадориваетъ схватиться съ нимъ или саячника, или такого же, каковъ самъ, не казистаго возницу.

— Отстань голова, говоритъ подзадоренный; вѣдь тряхну, пухъ изъ шапки посыплется....

— Ой-ли?... а нешто, я те вотъ такъ и дался. Ну ка тряхни!... видали мы васъ, братъ; не такую волнушку уписывали; не такихъ заморышей сламывали....

— Ну — смотри!...

— Чего голова?... вижу, что ты словно примерзъ къ мѣсту.

— Ой.... не подзадоривай! вѣдь на споръ пойдетъ, калачъ прозакладую, что вотъ только за поясъ ухвачу, такъ съ ногъ покатишься....

— Изволь! чай — тебѣ пропыю...

— Давай!...

— Изволь, — давай! Максимъ, — говоритъ ратоборецъ, третьему свидѣтелю: гляди, чай въ отвѣтъ!

— Слышь Максимъ, подхватываетъ другой, калачемъ заманилъ. Ну-ка, авось ради московскаго я тебя самъ въ бубликъ совою....

Схватились и крикнули, и закрутились. Глядишь: ни калачъ, ни чай не выигралъ; оба хвастуна — на панелѣ....

Вотъ и Матвѣй — дворникъ — такой же угаръ! все

наровить кого нибудь подзадорить, — и все, чтобы, подчасъ... чай или пива стаканъ московскаго выжать изъ поясицы пріятеля.

Вотъ, разъ, на потѣху цѣлаго двора, и привелъ другой дворникъ своего однопоревенца, такого, по словамъ его медвѣдя, что изъ цѣлаго дуба дугу выгнуть, да и свелъ молодцевъ....

Матвѣй стоялъ у своей двери, переглядываясь съ знакомою молодкою, которая ловко, вскинувъ на плечо корзинку съ бѣльемъ, проходила изъ прачешной, въ то время, какъ въ глубинѣ двора, ея товарка что-то торговала у разнощика.

— Что братъ, сказалъ товарищъ Матвѣя, указывая на гостя, вотъ, — какъ думаешь, — уламаешь ли эвтаго парня?

— Шхе!... Матвѣй презрительно улыбнулся. Эвтаго?... случалось видать, братъ, и почище....

— Что жъ, *можетъ статься* и видали, съ двусмысленной улыбкой отозвался гость, — да только съ низу, аль съ верху?

— Чего?... я бы тебѣ показалъ, какъ съ низу....

— Ой-ли... ишь ты какой ухарской....

— Да, ужъ про то мы знаемъ....

— То-то....

— Что — то-то?...

И.

— Да вѣстимо Матюха трусишь!

— Трушу? — ну, а хочешь Московскую солянку отвѣчу, коли я его въ два кольца не совью...

— Изволь!

— Изволь!

Гость швырнулъ на землю шанку, изнамѣрился и схватилъ силача одною рукою подъ поясъ, закрутивъ другую въ кушакъ противника. — Въ свою очередь, Матвѣй быстро отставилъ правую ногу назадъ, а лѣвую выставилъ впередъ, стараясь свернуть врага *подъ ножку*. *)

Нѣсколько мгновений результатъ борьбы оставался сомнительнымъ; борцы, какъ бы сговорясь, тяжело вздохнули, бросили другъ друга и опять сошлись съ новою силою.

— Что!... не беретъ? промолвилъ дворникъ....

Но Матвѣй собралъ послѣднее усиліе и борцы заматались изъ стороны въ сторону.... Наконецъ Матвѣй сломилъ!...

— Давай саянку, касимовской медвѣдь! весело сказалъ онъ, отирая со лба крупныя капли поту и, потирая себѣ бока.

Враги чужеземныя хорошо знаютъ русскую силу....

*) Техническое выраженіе.



Мегровенки

ХІІІ.

С Л У Ж Б А.

Рано утромъ, почитай, что передъ заутреней, стряхнувъ дождь съ рапца и фуражки—въ дворницкую Макара постучался безсрочно-отпускной стрѣлокъ; дверь скрипнула на ржавыхъ петляхъ, и сѣдая борода Макара ткнулась клиномъ на пуговицу шинели служакн.

— Здорово землякъ! весело молвилъ стрѣлокъ, безъцеремонно сбросивъ на лавку походный ранецъ и, бережно поправивъ привязанные на немъ запасные сапоги.

Макаръ, хотя и былъ съ просонья, хотъ пятнадцать лѣтъ не видалъ земляка, а ужъ—верно русское сердце вѣщунъ... старикъ узналъ, тотчасъ—своего одно-деревенца....

— Ба! Меркуль-Меркулычъ! нашъ диковинный Крешковъ! привелъ Богъ свидѣться!...

— Куда это и отколя? спросилъ старикъ.

— Изъ Выборга, то-есть, изъ казармы, отъ отцевъ командировъ, въ наше родимое село къ отцамъ родичамъ. А вотъ, было попутн, то-есть-маленько въ сторону, — ну-и свернулъ я фарсированнымъ въ твою подво-

ротню. Дай, дескать--думаю, въ проходку у земляка побываю... да снесу отъ него поклонъ деревенскимъ друзьямъ.

— Ахъ ты голубчикъ мой! ахъ ты сердечный! говорилъ Макаръ, качая сѣдою головою и, почти, не вслушиваясь въ послѣднія слова гостя. Ну... ужъ и сталъ же ты молодцемъ! любо-дорого смотрѣть; такой козырь.... такой бравый!...

— Гм!... бравый! насмешливо перебилъ служакн. — А развѣ—подъ ружьемъ видалъ ты русскаго стрѣлка какого *ниаестъ* прищуръ Герасимовича? нѣтъ, братъ старина, пятнадцать лѣтъ честной службы, да лнхой выправки, да два молодецкихъ похода, да полсотни разныхъ схватокъ съ врагомъ — хотъ кого помолодить и выправятъ....

— Такъ, такъ, разлюбезный ты мой Крешковъ,— шепталъ старикъ. Ну,... ну, садись родимый! чѣмъ тебя потчивать?— ну, какъ служба?...

— Что служба? хорошему, братъ, вездѣ хорошо; бравому, то-есть исправному солдату, служба—мать кормилица, да такая мать, что и родную-то для нее разлюбишь, въ огонь полѣзешь; командирство у тебя, что ни паестъ, все разлнхіе слуги Царскіе. Ну, а плохой солдатъ не взыщи; для него служба мачиха.— Ему, неумытому и дареная чарка горче полыни-кажется!

— Гм!... есть, что ли у тебя... съ усталости-то? помолчавъ нѣсколько началъ Кремешковъ... за чаркой то и отдохнуть повадиѣ, да и покалякать.... такихъ чудесъ на скажу, что жалѣть станешь, для-ча сѣдина подкрасила бороду, да за чѣмъ самъ не всталъ подъ ружьемъ съ молодцу? Вишь оно что!

При послѣднихъ словахъ служаки, гостепріимный Макарь опрометью бросился къ своему ветхому поставцу и, вынувъ изъ него бутылку съ водкой, поставилъ ее на столъ.—

Служака крикнулъ, растягнулъ воротникъ шинели и, тряхнувъ плечами, протянулъ руку къ чаркѣ.

— За твое здоровье старина, сказалъ онъ; эхъ! хороша, а все не то что финляндская.—Та маненько будетъ по смачиѣ, да и по сердитѣ! Вотъ, братъ, въ службѣ-то всего отвѣдаешь, всего нагляднися, во всѣхъ, то-есть, заморскихъ націяхъ погостишь!

— Э!... а нешто ты, Кремешковъ, и въ Нѣмецкихъ земляхъ бывалъ?...

— А то какъ же? Позапрошлый годъ на Венгра ходилъ; ну... и Прусскую землю знаю.—Отличная-братъ земля! да и народъ, то-есть, такой великатности, что вѣкъ бы съ нимъ жилъ да цѣловался въ тридцать пятомъ году—Батюшко Царь на корабляхъ послалъ насъ въ Данцигскую землю.... энто въ

Пруссія. Ну, братъ, ужъ было на што полюбоваться!.. Не выбирали насъ, а были мы всѣ словно выбранные: молодецъ къ молодцу, плечо къ плечу.... Какъ прошли братъ—голова... стѣпойстройною,—какъ молвилъ намъ, Царь нашъ—свое дорогое, разлюбезное спасибо,—словно море разлилось въ отвѣтъ ему молодецкое ура! Эхъ ты времячко! Ужъ было намъ тогда житье! Что это за добръюшій хлѣбосоль нѣмецъ! мясо, картофель, то есть объяденье во всемъ! — Служака остановился, подумалъ съ минуту, выпилъ и продолжалъ:

— Ну и въ нашей Финляндіи также стаивалъ. Дѣвчата тамъ, чухонки то есть, нечего сказать, преавантажныя... иная, прочая, знаешь, въ этакій шерстяной—юпочкѣ, съ красной фальборочкой—ножка такая, что, право на удивленіе.... Ну и до нашего брата не то чтобы какъ ни наестъ, ласковы. Впрочемъ, примѣрно сказать, — я вотъ на своемъ вѣку замѣтилъ, что на нашего брата солдата, какъ-то во всѣхъ земляхъ, женскій полъ — повадиѣ смотреть!...

— А.... да вотъ и они голубчики!... весело добавилъ Кремешковъ, принимаясь за третью чарку и, указывая въ окно на двухъ Финновъ, остановившихся противъ крошечнаго окна дворницкой....

— Э! такъ эвти? спросилъ Макарь, устремивъ любопытный взглядъ наблюдателя на флегматическую

паружность чухонцевъ.... Да, что эвто — они, о чемъ разсуждаютъ? Ты, вѣдь, чай по ихнему разумѣешь?

— Еще бы!... въ службѣ, братъ, всему научишься.... Я вотъ, почитай на трехъ иностранныхъ діалектахъ говорить могу... и хлѣба, и шнапсу и постель спросить умѣю.... ну, слышь ты; вонъ одинъ изъ нихъ говоритъ: «*анна рага ривна копека*» а я, вотъ, и знаю что эвто по русскому значитъ....

— Ой-ли?

— Право-слово!... Онъ говоритъ — одну, дескать, гривну копѣекъ надо.... Вотъ ты и знай нашихъ!... А все мать служба всякому знанію научила....

— Важно, братъ Крешковъ, — право важно! отозвался Макаръ.... Вотъ, продолжалъ онъ, пойдешь теперь въ деревню, не налюбуются тобой....

— Гм!... то-то и оно, дядя Макаръ; тебѣ почитай не безызвѣстно, что я въ службу охотой пошелъ, за брата. Да ужъ, и правду молвить, вѣкъ буду Бога благодарить за такую молодецкую догадку!

— Теперь — бы я просто — лапотъ былъ!... на работу бы съ бабами ходилъ, на поседѣлкахъ пиву бы дивился!... ахъ поглядишь — служба-то изъ меня гренадера — служакъ выправила... Кавалерія на груди есть, — стало быть Царскимъ пожалованьемъ, что Божіею многою милостию взыскавъ, всякому кто только глазкомъ на ме-

ня мигнетъ, въ умъ разумъ придетъ: дивись голова! стало быть, Государю, отечеству, Россіи матушкѣ послужилъ. Вонъ оно што!... Теперь приду въ родную избу, такъ отецъ съ матерью чай съ коробъ слезъ наплачутъ отъ радости, какъ обоймутъ грудь богатырскую, отслужившую присягѣ совѣстлево и честно. Да и вездѣ мнѣ почетъ и всяческое уваженіе; всѣ кавалеромъ зовутъ.... и въ избѣ, почетная лавка подъ иконою — вездѣ моя!... да еще и самъ не пойду, не сяду; невѣжливо! то есть мы службу знаемъ; вотъ оно што! Шу — да, впрочемъ заболтался я; пора генераль-маршъ ударить, да и въ походъ. Шу, такъ спести отъ тебя домочадцамъ по поклону, душа моя Макаръ Михѣевичъ?

— Какъ же, какъ же, родимой! бей имъ всѣмъ — челомъ; скажи: меня старика Богъ милуетъ; живу, не што! горя не вижу! прости родимый!

— Прощай — старина! много благодарны за угощенье.

Крешковъ перекрестился на святые иконы, взбросилъ на плечи ранецъ, застегнулъ крючки у воротника шинели, — чмокнулъ Макара въ губы и вышелъ на улицу....

— Ухъ ты.... лебедь бѣлая! промолвилъ веселый стрѣлокъ — любезно взглянувъ на охтенку, переливав-

шую изъ одной кружки въ другую подозрительно—бѣ-
лый устой.

— А, вонъ и наши знакомцы, продолжалъ солдатъ,
проходя скорымъ шагомъ на улицу, и, съ улыбкой
глядя, на двухъ финновъ, изъ которыхъ одинъ, за-

ложивъ руку въ карманъ жилета, выслушивалъ ско-
рую рѣчь товарища, подававшего ему пятакъ.

— Чай — складчину на селедку затѣваютъ! на-
смѣшливо заключилъ удалявшійся Кремешковъ.



XIV.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ УТРО.

Утро, въ прямомъ житейскомъ значеніи—есть начало дня; время, смѣняющее мракъ—на свѣтъ,—усыпленіе — на бодрость,— бездѣйствіе—на суету... и сны—на дѣйствительность. Но, какъ прикажите опредѣлить точную минуту Петербургскаго утра, когда здѣсь, для однихъ—день начинается съ первымъ вскрыкомъ пѣтуха,— для другихъ—съ послѣднею пулькою преферанса, для третьихъ съ полдникомъ каменьщика, а для четвертыхъ никогда не начинается; потому, что они засыпаютъ передъ разсвѣтомъ и просыпаются въ сумерки! Есть, наконецъ, и такіе, которые съ полнымъ приходомъ дня, опасаясь, изъ экономіи, издержаться на свѣчку, стараются уверить самихъ себя, что все-еще ночь,—или, необладая часами—узнаютъ утро по скрипу дверей у сосѣда; и, если по какому-нибудь случаю, тотъ начнетъ утро съ пол-дня, они, по догадкѣ, начинаютъ его только часомъ ранѣе....

Однако, во всякомъ случаѣ, Петербургъ не ли-

шенъ же утра! и если, нельзя нарисовать общей и точной его картины, то легко подмѣтить болѣе видныя частности....

Едва только въ рѣдѣющемъ мракѣ почти сверкнетъ послѣдняя искра, вылѣтѣвшая вмѣстѣ съ дымомъ изъ трубы неугомиаго-пѣмца булочника, едва только прозвучитъ въ воздухѣ послѣдній протяжный окликъ бодрого стража, слившись съ мѣрною дробью зареваго барабана—на городской гауптвахтѣ, какъ тамъ и сямъ, въ домахъ, замѣлькаютъ одинокіе огоньки.... Это огни—или дельца—труженника, или честнаго ремесленника, или огонь освятившій уютный уголъ, въ которомъ пріютилась горемычная бѣдность. Но ни на дворахъ, ни на улицѣ—не слышно еще ни стуку, ни скрипу; сонный Ванька, спрятавшій носъ за пазаху армяка, промелькнетъ на площади, вызвавъ неугомонный лай собакъ. Вскорѣ этотъ лай сливается въ общій гулъ разсерженныхъ псовъ, которые теперь замѣтили на тротуарѣ новое живое существо.... Это существо, черное, флегматически — безпечное, вооруженное фонаремъ и метлою, всегда начинаетъ жизнь и движеніе Петербургскаго утра.... Это трубачистъ! Съ появленіемъ его, дворникъ бросаетъ свой постъ, свою подворотню и привѣтствуетъ пришельца обычнымъ вопросомъ:

— Что эвта сегодня Иоганъ, чуть не съ полуночи—тебя пришло?...

— Какъ надо ѣсть.... и работа много, то надо рано работу взять, отвѣчаетъ серьезный чухонецъ.

— Вотъ оно что!... Важная работа, нечего сказать! для того—чтобы пось выпачкать на острастку робятамъ, стоитъ православный народъ подымать съ позаранокъ....

— Миѣ всё равно: такъ козяннъ кочеть, отвѣчаетъ чухонецъ, коверкая русскую фразу; а ты, вотъ, продолжайтъ онъ, давай мене ключъ на чердакъ.

— Ша.... ключь-отъ, праваливай! да смотри, не зарони томо-тъ-ко огня! Фонарь то у тебя крѣпокъ ли?...

— Фонарь — хорошо.

И позванивая ключами, трубочистъ мѣрнымъ шагомъ отправляется на крышу въ то время — какъ дворникъ берется за метлу и выходитъ на панель.

Черезъ нѣсколько минутъ на черной лѣстницѣ у жимыхъ дверей раздается громкій стукъ, на который отвѣчаетъ окликъ сонной кухарки:

— Вѣрно черномазый?... Ну.... такъ и есть!... Черномазый, привѣтствуемый шавкою или бульдогомъ, подымаетъ съ лѣниваго одра всѣхъ обитателей кухни. — Мало по малу, двери завизжали на петляхъ; на лѣстницѣ раздался стукъ и шорохъ шаговъ; на

дворѣ, два три голоса перекинулись вопросомъ.... Это кухарка и дворникъ! одинъ отправляется въ сарай за дровами, другая отворять ставни... и въ лавку. Лавки и Харчевни отворены: въ первыхъ, полусонный прикащикъ собираетъ отъ посѣтителей вчерашнія новости;— во вторыхъ слышенъ звукъ чайниковъ и чашекъ. Надъ домами начинается легкій дымокъ, а на дворахъ уже сошлись обычные дѣятели ранняго утра.

Тамъ, въ одномъ углу, прачка, развѣшивая бѣлье, перекликается съ товаркою:

— Марѳа... слышь-ты, Марѳа!...

— Да слышу, чего тебѣ?

— Чего?.... вотъ одного полотенца не досчитаюсь.

— Что ты? какъ это можно!... Кажиную стирку у насъ съ тобою что нибудь — да пропадетъ. И сохрани тебя Господи, коли не сыщешь! ужъ тогда экономка все насчетъ поставить.

— Да, что жъ я.... съѣла его что-ли?

— Вѣстимо-тъ-ко съѣла! подхватываетъ шутникъ дворникъ, складывая на полуразрушенномъ ларѣ вѣзепку дровъ.

— Молчи, ты!... всякой сверчокъ знай свой шестокъ, а въ чужое дѣло не мочи соваться....

— Ой-ли?... Ужъ и осерчала! ишь-ты недотыка-
роговна! поддакиваетъ водовозъ, такой же любезникъ,
какъ и дворникъ.

— А ты чего—не умытый? вотъ—глядѣлъ бы за
своимъ боченкомъ; почитай всѣ обручи ржавина
стѣла....

— Правда, правда! отзывается дворникъ... Утебѣ—
полотенцо, а у него скушала ржавина обручи...

— И за этой остротой слѣдуетъ общій смѣхъ,
въ которомъ не принимаетъ только участіе обижен-
ная прачка.

— Смѣйся, смѣйся! отзывается она; тебѣ горе-то
незнамо, такъ и зубоскалишь, а тутъ вотъ смотришь,
бѣлья недосчиталась....

— Да вѣдь я такъ, голова!

— То-то и есть.... такъ!

— Шошарила бы гдѣ пропасть.... можетъ стать-
ся и запропастилась — куда нибудь пропажа... кому
же взять-то? Дворъ-отъ, благодаря Бога, честный;
воровства не случилось.

— Эхъ ты, Максимовна! восклицаетъ водовозъ,
опускаясь возлѣ своего боченка и, вытаскивая изъ-за
голешища берестовую тавлинку, вотъ не хошь-ли, съ
горя, щепоть.... другую табачку?

— Проподай-ты и съ нимъ-то.

— Чтожъ такъ?... вѣдь самодѣльщина, голова!
право слово, такой забирательный; что въ носъ... то
спасибо! Шюхни, Максимовна!

— Отстапъ.

— Ну... а ты, Меркулычъ?

— Для-ча голова! давай! и Меркулычъ, переки-
нувъ черезъ плечо веревку, связывавшую пошу, про-
тянулъ руку къ тавлинкѣ водовоза, черезъ голову
Максимовны, роющейся въ корзинкѣ. Вотъ шюхнемъ,
да и потянемся въ пятый, сказалъ онъ.

— И пора бы тебѣ, балагуръ безъдомный, за-
мѣчаетъ Максимовна. Смотри не забудь: ужо-тъ-ко
надо на рѣку ѣхать... бѣлье полоскать. Господа, куда
нишло, рюмкой вотки почествуютъ; а я ужъ, такъ
и быть,— въ субботу кофешкомъ угощу....

— Ладно, ладно, душа Максимовна.

Дворникъ понюхалъ самодѣльнаго зеленчаку, взва-
лилъ на спину вязанку, и крехтя, отправился черезъ
дворъ налѣстницу.

А между тѣмъ дворъ оживаетъ съ каждою мину-
тою. Кухарки спуютъ черезъ дворъ и въ ворота;
голоса продавцовъ сливаются въ разпотонный напѣвъ,
и Петербургское утро, для простолюдина, едвали не
кончается съ уходомъ за ворота мясника, одѣливша-
го котовъ и кошекъ заказною печенью....



УМЪ И СНОРОВКА.

Требуйте, какъ англичанинъ — ножку жаренаго воробья, — какъ нѣмецъ — рюмку киршвассеру, — какъ Потемкинъ кислой капусты; услужливая — мелкая промышленность явится къ вамъ съ поклономъ.... Она, неизбѣжный рычагъ въ жизни людей... она, съ утра до поздняго вечера хлопочетъ, тащится въ тѣлегѣ и мчится въ паровозѣ; вынмываетъ на канатѣ, дѣлаетъ изъ копейки рубль, танцуетъ на морозѣ и изобретаетъ *неистощимыя бутылки*. Возьмите какой угодно предметъ вашихъ потребностей: вы найдете на одномъ концѣ его магазинъ и тысячи рублей, — на другомъ корзинку и копейки.... Нѣтъ, кажется предмета, котораго бы мелкая промышленность не поспла по улицамъ; она ходитъ изъ дома въ домъ, изъ улицы въ другую... Сидите у себя дома... и вы можете, что угодно продать.... Къ вамъ придутъ торговать старые обноски вашего халата, золу изъ вашихъ печекъ, груды-хламу, валяющагося подъ окномъ и, разрозненные томы классиковъ. — Слухъ вашъ поражаютъ

то звуки шарманки, то тирольская пѣсня.... это поетъ и наигрываетъ мелкая промышленность... Неудобно ли вамъ стиховъ, не закажители романа съ интригою и безъ оной, въ тридцать частей; не нужно ли полного и подробнаго описанія Шпицъ-Бергена и Гренландіи?... промышленность не прочь и отъ поэзіи, прозы и путешествія въ неоткрытыя страны! Вамъ угодно сдѣлать обѣдъ? Но, у васъ нѣтъ ничего кромѣ пустой залы.... А есть ли у васъ деньги? — Есть.... Скажите же сколько у васъ будетъ гостей и — дѣло кончено.... Завтраже каждый изъ нихъ получитъ печатный билѣтъ; огромные столы заломятся у васъ подъ тяжестію серебра, золота, фарфора; среди жаркаго лѣта сахаръ съ цейлонскими пряностями замерзнетъ въ видѣ апельсинавъ и ананасовъ, аршинныя стерляди изъ Шекены и Волги явятся тутъ же; зимой — горы ананасовъ перенесутъ ваше воображеніе въ Италію; и пусть идетъ хлопьями снѣгъ.... ничего! Розы, лавровые, померанцовые, лимонные деревья зазеленѣютъ, заблагоухаютъ въ вашей залѣ; аромат и амбра Востока упоятъ обоняніе вашихъ гостей; а съ благодатныхъ полей Шампани, изъ Лондонскихъ пивоварень, изъ драгоценной бочки Гейдельберга, съ тучныхъ холмовъ Токая, изъ кислыхъ источниковъ Зельцера, съ палящихъ плантацій Ямайки — польются

рѣками — вино, пиво, водка; пока гости ваши наслаждаются устрицами, черепахами, пирогами изъ Стразбурга, сыромъ изъ Лимбурга, перепелками изъ Курска, виноградомъ изъ Астрахани; пока богатые канделябры Сазикова льютъ тысячи огней,— неужели ли вамъ еще музыки Иосифа Гунгля, которая будетъ иѣжить вашъ слухъ. Все принесутъ вамъ... Незаботтесъ!..мѣлая промышленность собьетъ съ ногъ кандитеровъ, поваровъ, извозчиковъ, рыбаковъ, садовниковъ... Все дадутъ вамъ на прокатъ — покупать не нужно, кромѣ того что съѣдать, разобьютъ и выпьютъ! Сего дня у васъ можно было угостить тысячу персонъ, завтра не будетъ ничего, — и слѣды минувшаго только остаются въ кнѣ счетовъ и въ убыли вашего бумажника.... Когда въ бумажникѣ пусто.... угощеніе будетъ вамъ стоить только то, что стоитъ листъ вексельной бумаги, — если вы безспорный наслѣдникъ дядюшки, который отживаетъ свой вѣкъ.

Вотъ мелкая промышленность сидитъ на углу улицы — и продаетъ яблоки; — вотъ она, въ морозъ и пенасть набиваетъ льдомъ вашъ погребъ; вотъ — она отворяетъ дверь и кланяется вамъ когда вы идете въ гостиницу; вотъ она печется на солнцѣ, спитъ на кучѣ песку, ѣстъ хлѣбъ съ водою и моститъ улицы,

садить рядкомъ липки, обкладываетъ бульвары дерномъ и чиститъ уличную канаву. Мелкая промышленность на все согласна.... Вотъ она предъ вами на каждомъ перекресткѣ, съ жестянками мороженаго, по пятаку рюмка; съ возомъ песку, гороху, бобовъ, рѣпы, крыжевника... Это что такое?... Ничего-съ.... Вашъ портретъ, написанный солнцемъ.... возьмите его; только три цѣлковыхъ!... Вотъ вамъ сплюотъ, вырѣзанный изъ черной бумаги — дайте пятиалтынный....

Но — вотъ, гдѣ раздолье мелкой промышленности... Посмотрите, какъ она облепила каждый уголокъ лавочками, шкафиками, столиками, балаганчиками; жметъ въ погрѣбахъ, — живетъ подъ крышею, ходитъ и стоитъ съ ящиками, коробками, лотками.... Это Толкучій.... Тутъ міръ лоскутьевъ, тряпницъ, попошеннаго бѣлья, ломаныхъ вещей, старыхъ книгъ, шляпъ безъ полей и дна, чашекъ безъ ручекъ, перекупщиковъ и барышниковъ.... Тутъ все!... Шаржи и футляры, цвѣты и скребницы, картузы и рамы... Тысячи предметовъ отъ земли, воздуха, воды и огня; — отъ всѣхъ трехъ царствъ природы.... все, начиная отъ зубочистки до древняго тарантаса.... Несите туда стаканъ безъ дна, бутылку безъ горла — покупатель найдется; не держитесь рукою за платокъ вашъ, въ карманѣ, —

его вытаскать. Толпы народа ходятъ, движутся, пьютъ чай, ѣдятъ пироги и сайки—подъ звуки гармоникки, мѣлькаютъ пестрые пояса, щеточки, улыбки.... тамъ и сямъ звучитъ: купите-съ! не продаете ли?... Пожа-луйте—съ—у насъ покупали!...

Мальчикъ, въ кожаномъ передникѣ, нечесаный и не мытый,—припѣвая пѣсню, выправляетъ на же-лѣзной тумбѣ ржавые гвозди; на противъ его двѣ три—солопницы, пѣстрыя—какъ московскій ситецъ, навьюченные шляпами, шляпками, кофтами и курт-ками—отбиваютъ другъ у друга покупателей.... Вотъ, два субъекта толкучаго рынка и мѣлкой промышлен-ности.... Первый, здѣсь—въ школѣ.... Онъ пойдетъ впередъ; другія доживаютъ свой вѣкъ, распродаютъ послѣднія лоскутья, дряхлѣютъ вмѣстѣ съ своимъ товаромъ....

— Что, Петька; подико, по попишней осѣнѣ, въ деревню поѣдешь? спрашиваетъ одна изъ торговыхъ, обращаясь къ мальчику, выправляющему гвозди и проволоку....

— Въ деревню?... За чѣмъ?

— Ну, вѣстимо, съ отцомъ матерью повидаться, пестрый платокъ сестрѣ подарить.... вотъ, купилъ бы у меня... Старенькій, а ничего... платокъ-то барскій...

— Непадо, Арсеньевна... Не до деревни намъ те-перь....

— Это отъ чего?...

— Отъ того, что прощай толкушка.... Наши по-ѣхали дальше.... Оставайтесь вы тутъ.... больше — ужъ, не лакомитесь Петьки вашимъ кофтинкомъ.

— Вотъ какъ!... Далеча ли это? подхватываетъ другая.

— Въ другую лавку.... Прикащикомъ переводитъ хозяйнѣ.

— Прикащикомъ!... Вишь ты какъ!...

— Да, вотъ и знай нашихъ!... Будетъ, говоритъ хозяйнѣ, понамѣтался Петруха, да ужъ и года то не тѣ, чтобы на побѣгушкахъ быть.... Шора на все умомъ разумомъ раскинуть!...

— Славно, славно Петя.... Чтожъ, помогай тебѣ Господи.... Тамъ—смотришь—годковъ пятокъ и самъ хозяиномъ заживешь....

— Ужъ вѣстимо.... Видали мы, какъ дѣла-то об-дѣлываются.... Нужны только споровка, да послови-ца: себя не забывай. Посмотри-ко, какъ шагнемъ.... Тамо-тъ-ко и за подряды возьмемся....

— Вѣстимо.... Вѣстимо! Да и бѣдетъ такъ....

— Спасибо, Арсеньевна; дай Богъ твоими уста-ми медъ пить....

— И што тутъ говорить батюшка; такъ ужъ *спокойе* вѣку дѣлается.... Твое,—не наше сиротское дѣло.... Вотъ, послѣднія тряпички продаемъ, руки давно измаялись; глаза слѣпы стали; хоть ты *што* *хоще*.... хоть сама покупай!

— Что дѣлать-то, Арсеньевна; всѣ подь Богомъ ходимъ.... Ничего.... Свѣтъ не безъ добрыхъ людей....

Всѣмъ дѣлѣ — мелькнуло нѣсколько лѣтъ, своимъ обычномъ чередомъ — въ вѣчность, и слова соловницъ и ихъ тоскливое предчувствіе сбылись на дѣлѣ.

Однажды, въ праздничное осеннее утро, двѣ старухи пищники, въ вѣтхихъ сапогахъ — пріютились у каменнаго забора, — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ какихъ-то мужичковъ земляковъ, угощавшихъ другъ друга роднымъ зеленчакомъ.

— Что, кума, ужъ не поплестись ли намъ съ тобою въ свой уголь? сказала одна изъ старухъ.... Вишь ты вѣтеръ-то какой холодный, да и дождь, кажись, скоро полетѣть.....

— Обождемъ не много....

— Чего ждать-то; кто теперь кромѣ нашего брата выйдетъ за ворота?

— А.... вошь, поглядико, купецъ....

Старуха прищурила глаза, стараясь взглянуть въ осяпистую фигуру купца.

Между тѣмъ, послѣдній мѣрнымъ шагомъ приближался къ старухамъ.

Спіній, длиннополый сюртукъ плотно обтягивалъ его станъ; изъ подъ сюртука выглядывалъ глянцовитый сапогъ, неизмѣнно со скрипомъ. Изъ подъ шляпы, тщательно приглаженной, выбивался курчавый волосъ, почти одинаковаго цвѣта съ красно—полинявшимъ зонтикомъ, на который медленно опирался прохожій.

Для бѣдныхъ старухъ — этотъ прохожій былъ вѣрный датель: надо сказать къ чести русскаго народа, особенно купечества, нищій не отходитъ отъ ихъ порога безъ подавнія.... Намъ часто случалось видѣть во многихъ магазинахъ и лавкахъ — нарочно размѣненные деньги, постоянно дополняемые каждый день, которые кладутся у самыхъ дверей на шкапъ или лавку и раздаются каждому изъ приходящихъ просителей милостыни.

— Батюшка! подайте милостыню! Заговорили старухи, съ низкимъ поклономъ встрѣчая купца.

Прохожій, медленно кинулъ свой красный зонтикъ подъ мышку и, отвернувъ полу сюртука — молча опустилъ руку въ карманъ.

— Смотрико, шепнула одна изъ старухъ, толкнувъ свою товарку.... Да, никакъ это Петръ Сергѣичъ?

Послѣднія слова были сказаны такъ громко, что купецъ не могъ перазслышать ихъ. — Онъ поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на старуху.

— А почему ты меня знаешь, тетка? спросилъ онъ.

— Какъ же, батюшка; какъ же кормилецъ! съ низкимъ поклономъ отвѣчала старуха.... Много ужъ годовъ — то тому назадъ, какъ я тебя знала.... Маленькаго такого.... Кофѣиншко мой пиваль.... Въ толкучемъ то, — кормилецъ.... Я, вѣдь, солопница Арсеньевна....

— Вотъ што!... Здравствуй, здравствуй старуха... Ну, я бы не узналъ тебя Арсеньевна.... Нако вотъ тебѣ, ради встрѣчи — двугривенничекъ....

— Много благодарны батюшка....

— Не начемъ, не начемъ.... Арсеньевна.... Вотъ, видишь ли: слова то твои сбылись.... Я теперь своимъ домкомъ живу; есть и хозяйка, и ребятишки.

— Ну — и слава — Богу, батюшка!

— Да.... ну и капиталишко — сбиль, подрядами занимаюсь.... А, все душа, моя трудъ, умъ да сноровка.... Ну прощай.... Заходи иной разъ.... коли нужда одолѣетъ.... вопъ угловой — то домъ; вѣдь это мой собственный....

— Радуюсь батюшка, наградила васъ доля хорошая, отвѣчала старуха не переставая кланяться....

— Такъ, такъ Арсеньевна.... Что Бога гнѣвить.... Хорошо началъ, да Богъ дастъ хорошо и кончу.... Умъ, да сноровка — въ нашемъ дѣлѣ важная статья! заключилъ купецъ.



XVI.

ХОЗЯЙСКИЙ СЫНОКЪ.

Все на свѣтѣ имѣеть свою лицевую сторону и изнанку. Возьмите чистый, бѣлый листъ бумаги: одна сторона его, какъ зеркало, — на другой — комаръ споткнется; посмотрите на хорошенькую женщину: брови у ней сободемъ, ротикъ — какъ очеровательная чашечка розы; ножка такая, что пару въ боковой карманъ спрятать можно, — волосъ длиннѣе сказки объ Ерусланѣ и чернѣе женой кости.... эта лицевая сторона красавицы; изнанка — ся характеръ, нравъ и сердце, между которыми ужъ вѣрно есть задоринка.... Вы перелистали — «двадцать сценъ изъ русскаго народнаго быта?..» Вамъ вѣрно нравится изящная виньетка, атласъ бумаги, мастерская отдѣлка рисунковъ.... Эта лицевая сторона альбома; — вы прочитали два или три текста — это изнанка и изнанка, грѣшнѣйшій человекъ, сознаюсь.... изнанка съ задоринкой! у иного все спорится, все не въ косъ, а въ прямъ! у другаго одно хорошо, другое лучше; у иного одно хоть куда, другое хоть брось.... У иного

подмастерья — на глазахъ — два хозяйскихъ сынка; одинъ изъ нихъ, что однако рѣдко случается у нашихъ простолюдиновъ, сынокъ хозяйскій, да въ придачу еще и матушкинъ.... А приглядитесь ка, кто изъ нихъ въ сорочкѣ родился.... Ужъ вѣрно не матушкинъ.... Кому съ молоду пастѣнкѣ приказъ не зарубили, кому вяземской каврижкой утирали капризную слезу, — кому сберегали бѣлизну рукъ, а изъ азбукъ дѣлали пѣтушковъ — тотъ далеко неуйдетъ въ будущемъ! Съ молоду ватружки, пряженцы и бабки, — потомъ жалобы на работниковъ; потомъ дореные гроши, макъ да медовыя сосульки.... А тамъ, смотришь матушкинъ — хозяйскій сынокъ и подростъ; волосы въ кружокъ подстрижены, нестрѣй платочикъ на шею, родимая, каждое сама утро повяжетъ, длиннополая сибирка съ пголочки....

— Ну, Митрій, говоритъ родимая.... не наглажусь на тебя, соколъ ты у меня соколомъ.... Ты ужъ большой — у меня....

— Эво!... Еще бы.... не видать что ли.... вѣстимо большой.... Хоть въ хозяевы сей часъ...

— Ахъ ты прокурать этакій.... Ужъ и въ хозяевы.

— А — что же... не гожусь, что ли?... Славно разпорядки заведемъ.

— Да, какъ же ты будешь хозяйномъ жить — свѣту невидавши, уму — разуму недоидя....

— Какого свѣту?... Да вѣдь не туманъ же у меня въ глазахъ.... А разумъ — то, вѣстимо, во лбу; его, какъ пятакъ на ладонь не выложишь....

— Такъ то-то и есть, чтобъ за хозяйство взяться надо на предки къ дѣлу приглядѣться....

— Эво.... Не бочки же мнѣ ворочить.... Я вѣдь хозяинъ, велю.... сдѣлаютъ....

— Шу... все таки надо, родимый, — знать какъ иной разъ и бочку повернуть, чтобъ самому приглядѣть....

— А прикащикъ на что?

— Да, душа моя, хозяйскій глазъ нуженъ....

— Что?... Глазъ? Да кто же говоритъ, что я слѣпъ?....

— Не то, кормилецъ ты мой.... Нуженъ надзоръ, смѣтка, сноровка.... Вотъ для этого-то тебѣ бы и немѣшало годокъ другой посидѣть за прилавкомъ....

— Что жъ.... пожалуй.

Дмитрій въ лавкѣ, только не заприлавкомъ, не въ трудѣ, не напосылкахъ.... Какъ можно! вѣдь онъ — хозяйскій сынокъ, да кому же еще и матушкинъ.... Митя только подсѣкаетъ голубей, или дремлетъ у лавки. Прошло два года — ему и капиталъ и хозяйство мать даетъ въ руки.... Но ужъ у такого хозяи-

на нѣтъ удачи.... у него или мыши поѣдаютъ товаръ, или рассчитывая прикащика — самъ на себя насчитываетъ сотни рублей.... Глядишь и хозяйскій сынокъ — да не хозяйская у него сноровка! Не таковъ другой экземпляръ хозяйскаго сынка, который началъ жить въ трудѣ и спать не на пуховикахъ.

Умный простолюдинъ любитъ дитя свое съ разсудкомъ; онъ понимаетъ, что трудъ да снотойная, безтревожная совѣсть составляютъ счастье человѣка, и потому невыпуская дѣтище изъ ежевыхъ рукавицъ въ настоящемъ, обѣщаетъ ему мягкую подушку въ будущемъ. Едва ребенокъ сѣмѣетъ самъ потянуть армякъ, какъ уже начинается для него жизнь труда и терпѣнія. Онъ или въ мастерской прислуживаетъ послѣднему работнику, или въ лавкѣ на посылкахъ, гдѣ за каждый, безъспросу взятый, сладкій леденецъ, получаетъ отъ отца весьма убѣдительную патацію. Жизнь его походитъ на маятникъ, который въ вѣчномъ движеніи, но въ движеніи правильномъ и полезномъ. Это приучаетъ ребенка къ труду. Съ правомъ названія парня, — онъ не пріобрѣтаетъ еще ни воли, ни почета; и пока не сѣмѣетъ самъ нажить деньгу, онъ стоитъ въ уровнѣ съ работниками отца, и только въ праздникъ пользуется маленькимъ отличіемъ, которое заключается въ кускѣ пирога....

Сибирка столетаго сукна его постоянная одежда въ то время, какъ дебелия сестры рядятся въ шелкъ и кружева. И здѣсь, между ними, нахватавшимися полутонкостей свѣтской великатности, онъ какъ будто бы не свой.

— Что эвто у тебя сестрица, говоритъ онъ обращаясь къ одной изъ дюжены сестеръ своихъ....

— Что такое?... эвто!.... Мужикъ-мужикомъ! и слово-то по русскому сказать неумѣть! ну что тамъ увидалъ?...

— Да вишь ты, какая у тебя бородавица на шеп!

— Ухъ ты олухъ, деревня деревней! Срамату только на насъ накликаешь.... не могъ сказать родимое пятнышко!

— Ладно! отзывается отецъ: какъ умѣемъ, такъ и брѣемъ!... ему вѣдь не шемотанствомъ заниматься, не по французскому говорить, не кадрелію выплясывать; а съ молярами на работу ходить, деньгу наживать, да васъ же кормить, да поить придется.

— Ну ужъ... хорошъ будетъ братецъ! и вѣчно въ краскѣ! слова вымолвить порядочнаго не умѣетъ.

— Ладно! худъ ли, хорошъ ли, про то мы знаемъ. Ты вотъ нѣжонка, прости Господи! до свѣту въ перинѣ валяешься; а онъ чуть не съ полуночи за работой, да еще иной разъ, за малую толикую

оплошность, и потасовку отъ меня снесетъ. Вотъ што! такъ-то! Ступай отъ нихъ Петруха! къ работникамъ. Вишь! ты — вѣдь имъ не пара; онѣ все паровятъ по французскому, а мы съ тобой, братъ, моляры! такъ и не сподручно воронѣ залетать въ высокіе хоромы.

— Что правда, то правда, батюшка! да почитай ужъ спать пора! Завтра, со свѣтомъ, надо за работу.

И Петруха, пока еще не увѣрились въ его спаровкѣ, да склонности къ хозяйству и порядку, коротаетъ дни на подмосткахъ, вмѣстѣ съ другими малярами работниками отца; и въ такомъ же передъ нимъ отвѣтъ, какъ и прочіе, если не болѣе.

Вотъ близко около полудня... Петруха окончилъ работу и сѣлъ у забора, а подлѣ него товарищъ по ремеслу, отцовскій мастеръ стекольщикъ....

— Чтожъ, Петръ Матвѣичъ! пойдѣмъ обѣдать-то, говоритъ послѣдній.

— Обожди маменько, отвѣчаетъ хозяйскій сынокъ, повернувъ разсѣянно кистью и поправивъ масляный фартукъ.

— Чего ждать-то?

— Да развѣ не видишь? вонъ еще плотники не отшабалили; ну не ровень — часъ: тятенька увидитъ, — вѣдь осерчаетъ.

Дни идутъ, за ними уходятъ и годы; Петруша, не выходя изъ подъ отцовскаго надзора, честенъ и исправенъ. Тогда отецъ рѣшается оставить сына уже на собственную его опытность и разсудокъ. Петрушу женить, съ тѣмъ расчетомъ, что если и западетъ ему въ голову какая ни наесть блажь, такъ хозяйка остановитъ; да и собственная совесть загородитъ до-



рогу и не дастъ шагнуть къ злему дѣлу. Тогда зажиточный отецъ отсчитываетъ Петру извѣстный капиталъ, и благословляетъ его на собственное хозяйство.

Глядишь: изъ хозяйскаго сынка выходитъ честный гражданинъ, трудолюбивый ремесленникъ, — добрый сынъ — и не потачка отецъ и для своего *хозяйскаго сынка!*



XVII. КУЧЕРЪ.

Какъ много кучеровъ, которые выскакали на барскихъ саврасенькихъ или воронкахъ въ почетное званіе купца, или городского лихача! Мы не будемъ подраздѣлять кучера на классы; не будемъ викиать въ его жизнь, какую проводитъ онъ на козлахъ экипажа: актрисы, молодого льва, ростовщика, откупщика и купца.... это извѣстно всякому — болѣе или менѣе; вся разница только тутъ въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ онъ всегда сытъ, въ другомъ иногда голодастъ — вмѣстѣ съ лошадьми, въ третьемъ сполна получаетъ жалованье, въ четвертомъ не совѣтъ исправно.

Мы возьмемъ кучера обыкновеннаго, сытнаго, съ окладистою бородою, геркулеса — въ цвѣтномъ кафтанѣ, у котораго одно плечо закроитъ много сѣдока — съ его медвѣжьею шубою.... Физиогномія такого кучера никакъ нейдетъ въ паралель съ физиогноміями его собратій.... Да и жизнь его походитъ на сыръ, брошенный въ масло....

Посмотрите-ка на Микула Микулыча! только носъ

курносъ, за то ужъ всеѣмъ прочимъ взялъ: и дородствомъ и спѣсью. А какая окладистая борода у Микула Микуловича! хотя не въ голубомъ кафтанѣ онъ родился, за то знать въ сорочкѣ на свѣтъ взглянулъ. Изъ деревни привезли молодца, хоть съ волнушками въ корзину брось; заморышъ такой былъ, что въ кулакѣ до Иркутска унести можно было.... Думали Микулку препроводить на барскую кухню, кострюли чистить, тарелки мыть; анъ-пѣтъ! улыбулась судьба, да и швырнула Микула въ конюшню.... Малый былъ не промахъ; смѣкнулъ умомъ.... завидитъ ли дворецкого, за сто шаговъ шапку долой... совьется въ кольцо, да и поклонъ до земли; или кучеру: то сапоги смажетъ пальцемъ, то въ запуски для него на побѣгушкахъ. Глядь! чрезъ полгода, Микулъ, ужъ и на сѣдло вскарабкался, въ *форетуры* назначили....

Прошелъ годъ, другой: Микулъ поотѣлся, а разуму у него прибыло столько, что почитай въ коробъ не уложись. Вотъ встрѣтилъ его разъ какъ то дворецкій:

— Что, говоритъ, — Микулъ?...

— Ничего-съ, Назаръ Шесторовичъ... Слава Богу-съ... благоденствуемъ подъ вашею ласкою....

— Да, — ты ужъ братъ.... того....

— То-есть.... этова.... Назаръ Шесторовичъ....

— Да, братецъ... поотѣлся! дѣтина сталъ такой ражій, хоть сейчасъ на козлы.

Микуль лукаво улыбнулся—и смиренно отвѣчалъ, поклонившись—чуть не до земли:

— Гдѣ намъ, отецъ и благодѣтель, о такой выси думать! Нашему ли неумытому посу такую ягоду клевать?...

— Что же, развѣ не можешь?

— Смочь—для чего не смочь, Назаръ Шестеровичъ! да, вѣдь.... почетъ—отъ больно великъ. Боярскій кучеръ, не то, что нашъ братъ мальчуганъ.

— Ну чтожъ, а развѣ тебѣ не по плечу, голова?

— Не можемъ — знать-съ, Назаръ Шестеровичъ!

— Ну, братъ, такъ я—те скажу, что ты будешь кучеромъ.... завтра же барину слово за тебя замолвию....

— Много благодарны-съ....

Вотъ Микуль и кучеромъ.

Теперь-то началась его настоящая масляница.... Теперь уже онъ самъ хозяинъ въ своей конюшнѣ.

Утромъ всталъ, крикнулъ, лѣнливо потянулся на стѣну и завелъ обычный разговоръ съ фореитромъ....

— Ганька! А.... Ганька....

— Ась?....

— Чего: ась? Неумытое мурло.... ишь мужикъ-мужиномъ, все деревней отзывается лапотникъ этойкой.... и отозваться-то, неучъ, не умѣешь....

— Да.... я, Микуль Микуловичъ....

— Молчать, грозно восклицаетъ Микуль.... Для ча, вечерось, не перетрусилъ мнѣ постели на койкѣ? за воротами глазѣешь, азарникъ! только въ гармонику наяриваешь! вотъ я тебя!

— Микуль! Слышь Микуль! кричитъ лакей, выбѣжавшій на крыльцо....

— Здѣсь.... што-надеть? отзывается кучеръ....

— Коляску закладывай—для барыни....

— Ладно.... ну, чего жъ, ротъ-то разинулъ, продолжалъ Микуль, обращаясь къ тому же фореитору... Слышалъ!....

И въ то время, какъ фореиторъ моетъ коляску и выводитъ лошадей, Микуль Микуловичъ, важно наряжается—въ парадный кафтанъ, разглаживаетъ бороду.... надвигаетъ на виски шапку, выходитъ... подбираетъ возжи и подкатываетъ къ подъѣзду.... А тутъ и пріятель палицо....

— Здорово, Микуль Микуловичъ,—говоритъ сытный швейцаръ....

— Матвѣй Ильичу—наше наиглубочайшее; все ли въ добромъ здоровьи—обретаться позволите?

— Ничего-съ: живется, славу Богу.

Выходить барыня.... щелкнули дребезжа дверцы кареты.... Микуль тряхнулъ возжами и пустилъ рысаковъ по гладкой мостовой. Микуль не кричитъ дорогою на встрѣчнаго Ваньку, который словно саранча вьется подъ дышломъ.... нѣтъ! станетъ онъ фарейторествовать! у него глазъ смѣтливый, сноровка мастера!— только возжа легонько вьется подъ рукою, а рысаки такъ и пыряютъ въ толпѣ экипажей, обгоняя встрѣчныхъ....

Барыня выпорхнула... Микуль провелъ лошадей и, избоченясь—остался на козлахъ.

— Чей это экипажъ, любезный? спрашиваетъ любопытный прохожій.

— Микуль Микуловичъ лѣниво поворачиваетъ голову, оглядываетъ вопрошающаго съ головы до ногъ, и, смотря по наружности послѣдняго, или молвитъ: проваливай дальше! или, нехотя, удостоитъ приличнымъ отвѣтомъ.

Житье Микулу Микуловичу... У дворецкаго въ частую чаю распиваетъ, съ купечествомъ знакомъ, а на лакейской пирушкѣ Микулу Микуловичу первый поклонъ и первый пунтикъ несутъ....

— Орѣшковъ то, Микуль Микуловичъ, говоритъ назойливая хозяйка....

— Нѣтъ, покорно благодарствуйте.... мы этакимъ художествомъ не прохлаждаемся....

— Эхъ батюшка, да чѣмъ же просить вашу милость?...

— А вотъ.. травничку—они пригубятъ! подхватываетъ хозяинъ — деликатный лакей.

— Травникъ—дѣло хорошее! употребить малую толику немѣшаетъ. Съ нашимъ удовольствіемъ.... порюмочкѣ пройдемся....

Кажется, чего бы еще Микулу Микуловичу? такъ нѣтъ! самолюбіе-то у него растетъ вмѣстѣ съ усами. Сидитъ у него во лбу, давнымъ давно, глубокая дума.

Жениться пора.... Мы — ста, говоритъ, сами съ усами, только носъ не обросъ.... Посватай Марѳа Сысоевна....

— Да какую тебѣ, кормилецъ?... Шевѣстами у меня хоть море пруди.... И одна другой марьяжнѣе....

Ну давай сюда—марьяжную... Слышь ты, мнѣ ея животы не почемъ, тряпье тоже, поѣхало дальше!... Я не голышъ какой... Свое имѣемъ.... А ты, вотъ мнѣ достань лошю—смазливую, понимаешь: кровь съ молокомъ, чтобъ ужъ было съ кѣмъ, иной разъ, несовѣстливо и по перспективѣ пройтись....

— И вотъ Микуль Микуловичъ завелся сожительницею. Житье ему славное! Господа добрыюшіе, какъ

онъ самъ выражается; жалованье съ остаткомъ, содержание щегольское....

— А что Кузьминична? говоритъ Микулъ въ откровенной бесѣдѣ съ женою. Какъ ты смѣкаешь? Если баринъ за усердную службу дастъ мнѣ отпускную.... не купишь ли парочку гиѣдковъ, да экипажикъ по щеголеватѣе? Ась?

— Да... для ча тебѣ?

— Для ча? вѣстимо не въ гулюку играть, не съ тобой православный народъ тѣшить. Хочу городскимъ лихачемъ стать. А, вѣдь, дѣлю-то повадное! Деньга перепадаетъ славная.... иной разъ подвернутся этакіе молодцы, что въ полглаза на свѣтъ глядятъ, знаешь, *опосля*... шампанскаго. Валяй, говорятъ, закатывай, на красенькій! смотришь и сѣла въ лапу синенькая. Ась, Кузьминична?

— Ужъ и ума не приложу Микулъ Микуловичъ—какъ порѣшится энта....

— А что думаешь? Можетъ статься вѣдь и прорвешься! Нѣтъ голова! пока еще худоба неударилась въ щеку, лучше служить барамъ. За такую бороду, да плечо богатырское — вездѣ деньгу взять можно.... Нѣтъ лучше.... другая дума у меня есть....

— Э.... А ну-ко, чтобы такое?...

— Опосля узнашъ, сказалъ Микулъ.... И, точно, промолвился.... только чрезъ полгода.

— Отправился разъ, какъ-то онъ къ кумѣ съ сожительницею; только что вышли изъ воротъ, а торговка съ банниками какъ тутъ подъ носъ....

— Купи — матушка.... отличный товаръ.... Работа не то што какая нибудь кимряцкая — нѣмецкой не уступитъ....

Кузьминична подошла къ торговкѣ, которая привѣтливо улыбаясь — подставила ей чуть не подъ носъ пару полусапожекъ....

— Э.... Да что энта.... Козловые-то? Презрительно сказала Кузьминична....

— Ну не лиха бѣда, — отозвался Микулъ.... заложивъ за мишурный поясъ лѣвую руку.... тутъ же высказалъ свою старую мысль: не лиха бѣда — говорю.... Ходи пока въ козовыхъ.... Вотъ, дай сроку получи отпускную, *припишусь къ мѣщанству, али разгуляюсь и къ купечеству*, такъ тогда въ атласныя наряжу тебя, старуха.... Да и шляпку съ бантами, въ завитушкахъ, куплю....



XVIII.

ТОРГОВКА.

Если бы кто нибудь пожелалъ анализировать разнообразную касту торговыхъ, тому необходимо слѣдовало бы раздѣлить ее на два класса; отчисливъ къ первому: вѣтошницъ, салонницъ, башмачницъ... и жиждовокъ — торгующихъ всѣмъ, исключая съѣдомаго; ко второму вѣчныхъ обитательницъ мостовъ, рынковъ и рабочихъ дворовъ, — словомъ, тѣхъ, которыя, смотря по времени года и дрянн какую бракуетъ Щукнинъ дворъ, выносятъ на лоткахъ, или мякушку яблокъ, — рядомъ съ пестрымъ лимономъ, или, наконецъ, макъ и пряникъ, покрытые улочною пылью.

Случалось ли вамъ когда нибудь неосторожно забыться у окна и вздрогнуть вдругъ, всѣмъ тѣломъ, при визгливомъ возгласѣ:

— По клюковку ягоду..... по клюкву! Вотъ клюква!...

— Отстань старуха!...

— Чтожъ, сударь, купи клюковки-то.... и видя ваше нерасположеніе къ кислой ягоде — старуха за-

тягиваетъ: вотъ клюква.... поденѣжная-манежная....

Изъ города Ростова отъ барина толстова!... Эта самая старуха, попавшись вамъ однажды на глаза, будетъ вертѣться у васъ передъ глазами долго, то съ медовыми сосульками, то съ брусничкой, то на перекресткѣ съ преженцами и разнороднымъ печеньемъ....

— Проходите въ полдень по набережной, когда усталые работники и поденщики — побросали свои тачки, старуха тутъ... съ котломъ картофеля....

— *На картовъ!*... Ей.... кавалеръ... на картовъ....

— Шолю гарланить-то — тетка, говоритъ дюжій парень....

— А, дя-ча, не гарланить?... не покричишь — не продашь.... Да тебѣ *што* родимый?...

— Вѣстимо што.... дайка горячиньскаго за грошъ, свѣтъ-душа, Акулина Максимовна....

— Акулина, слышь-ты! кричитъ другой, намъ съ Матюхой *положъ* въ шанку.... за пятакъ....

— Акуля, подхватываетъ третій, вечорась за тобою оставалась денежка.... отщитывай картофелемъ... ну, провориѣй-же!...

И около Акулины сдвигается тѣсный кружокъ.... Тотъ требуетъ соли, другой сдачи; третій, вмѣсто платы, отсыпаетъ старухѣ остротами и щелухой....

— Въ полдень вы на мосту и, Акулина Макси-

мовна тутъ—какъ тутъ.... съ мерзлыми яблоками, сп-
дящая рядомъ съ товаркою на низкомъ барьерѣ....
Вотъ тутъ-то стоитъ послушать ее. Товаръ ее плохо
идетъ съ рукъ... дѣлать печего... и Акулина Максимов-
вна вяжетъ чулокъ, да тарабарить съ сосѣдкою....

— Что, говоритъ она, мое житье.... вѣкъ изжила,
радостей не видала.... дѣвчонкой еще начала кузовъ
со всякой всячиною таскать.... сначала матушка по-
сылала... то къ перевозу съ лукомъ, то на биржу съ
валенцами, вышла за покойнаго.... и тутъ старое по
старому: овдовѣла; да спасибо добрымъ людямъ, от-
дала сынишку въ ученье, а сама всё съ латочкомъ—
въ дырявомъ платочкѣ....

— Охо.... хо! Что станешь дѣлать.... отъ бѣды,
моя родимая,—не въ воду! смиренно отвѣчаетъ себе-
сѣдница....

Загляните вечеркомъ въ пріютъ Акулины Макси-
мовны.... Все ее обиталище ограничивается однимъ
угломъ; мебель и недвижимое имущество—койкою, хо-
зяйскимъ столомъ, неизмѣннымъ лоточкомъ, да по-
мадною банкою, которою она вымѣриваетъ клюкву и
бруснику.... Подъ койкой сундукъ съ тряпками и ка-
питаломъ въ два рубля. Но, какъ ни бѣдна наруж-
ность обиталища торговли, какъ пужда ни пріюти-
лась у ея порога, а Акулина Максимовна не прочь

отъ кофейку.... Кофей ей утѣшитель въ горѣ, ея другъ
въ радости. Ни одна чашка не выпьется безъ того,
чтобы Акулина Максимовна не сболтала въ ней ос-
татковъ и не повернула съ шопотомъ чашки на блю-
дечко.... Здѣсь-то изощряетъ она свой умъ и свои
догадки; въ потокахъ гуши ей мерещатся: то до-
рога, то густой лѣсъ, то долгая рѣка.... Всячески
хочется Акулинѣ Максимовнѣ выбиться изъ однооб-
разной колеи ничтожныхъ барышей и взяться за дѣ-
ло по серьезнѣе. А серьезное дѣло заключается въ
томъ, что Акулина Максимовна наровитъ заняться
ремесломъ свахи. Вотъ, говоритъ она, знакомство у
меня не то что бы какое ни наесть, и невѣсть по-
читай съ десятокъ, а жениховъ не перечесть; да
дѣло то все не спорится, талану ни какого нѣтъ,
хоть ты што хочешь: вездѣ бѣда поперечить!... И
старуха нагрузивъ снова неизмѣнной своей лотокъ,—
и снова рѣчь о быломъ, или перебранка съ товаркою,
или мягкая лестъ будочнику коротають ея дни.

Вотъ ужъ ноги отказываютъ въ услугѣ Акулинѣ
Максимовнѣ.... Измаячилась говорить она... Полно;
не могу бродить, болѣе, по дворамъ.... вѣрно ужъ
дальше Щукина, да своихъ воротъ — нейдти мнѣ...
Старость лихая приходитъ!....

И въ самомъ дѣлѣ, торговка навсегда остается

теперь у своихъ воротъ. У нея нѣтъ, теперь, товарищи.... Прижавшись къ фонарному столбу, Акулина Максимовна — проводитъ цѣлый день, перекладывая съ мѣста на мѣсто мерзлые яблоки. Обычные посѣтителю ея уже не дюжіе парни, а ребяташки, халатники — портные, которые несуть ей каждодневную грошовую дань.... Правда, и тутъ — иной разъ, у Акулины Максимовны найдется развлеченіе. То окликнетъ кухарку, остановитъ ее, потолкуетъ о томъ, о семъ; справится о благоденствіи господъ, поборанитъ свое житіе и позавидуетъ служанкѣ; то перемолвитъ съ кавалеромъ и, отъ доброты души — подаритъ ему мякушку... А смотришь... вонъ и старая знакомая... солдатка съ дочкой, которая для послѣдней не забываетъ Акулину Максимовну.

— Здравствуй матушка.... Какъ можете.... Маланья Евстигнѣевна?

— Плохо родимая.... спина начинаетъ побаливать; да, вѣдь, сама вѣдаешь, наша работа, — почи-тай все ручѣнки отымаешь; день деньской стирка, да катокъ....

— Правда, правда родимая.

А между тѣмъ, какъ товарки ведутъ разговоръ

этотъ, дѣвчонка не спускаетъ внимательнаго взгляда съ мякушекъ....

— Что ужъ, нешто, взять у тебя, Акулина Максимовна, — продолжаетъ прачка....

— Для ча не взять? возьми родная съ почи-ну; у тебя, не разъ мною замѣчено, рука такая легкая, что вотъ, право слово, послѣ тебя товаръ-отъ всегда съ лотка, какъ вѣтромъ сдушить....

Торговка отсчитала яблоки, приняла деньги и отдала сдачу....

— Да чтожъ это, Акулина Максимовна, какъ будто-бы — не все тутъ....

— И, што ты, родимая, немоги этаго думать! — Вѣдь, я ни какая наестъ; обманомъ не живу, облыжно народъ православной не обманываю. Это вонъ, продолжаетъ торговка, завистливо кивнувъ головою на Охтенку, расположившуюся на тумбѣ и, считающую въ фартукъ серебро.... Это.... вонъ, гдѣ грошъ, гдѣ гривну насчитаетъ, да и въ молоко воды плеснетъ. У нихъ.... не у нашего брата, добро растетъ, деньга словно на опарѣ подымается. — Такъ-то, родимая! бери — тутъ все сполна.... Ужъ, вотъ, на совѣсть грѣха не возьму!... Ни.... ни! Богъ съ ними, съ барышами неправдой нажитыми!...



XIX.

КАРТЫ.

О картахъ должно говорить съ картами въ рукахъ; тогда, при созерцаніи этихъ невинныхъ фигуръ, придешь невольно къ грустной мысли, что человекъ—жадный до развлеченій, изъ всякаго невиннаго удовольствія сумѣетъ извлечь зло, не замѣчая его. Карты зло, а страсть къ нимъ порокъ, если невинное удовольствіе замѣняется въ нихъ одною только жаждою пріобрѣтенія и паживы. —Разбойникъ, готовый посягнуть на жизнь ближняго, не болѣе страшенъ, какъ опытный, расчетливый картежникъ, составившій изъ пятидесяти двухъ лоскутковъ—ремесло на пагубу ближняго. Благодаря Бога и мудрое, отеческое попеченіе нашего Правительства,—Россія довольно обезопасена отъ этаго ремесла, которое въ другихъ странахъ губитъ многихъ цѣлыми семействами.

Вотъ что рассказываетъ одинъ Французскій писатель о происхожденіи игорныхъ картъ.

Изобрѣтеніе игорныхъ картъ приписывается Индійцамъ, придумавшимъ ихъ во время чрезвычайнаго

неурожая.... На первыхъ картахъ, игра въ которые была не иное что, какъ игра въ двойные шахматы, изображались *дурачки, рыцари и башни*. Играли въ нихъ, вѣроятно въ четверомъ, такъ что каждый изъ противниковъ, имѣлъ свой цвѣтъ и, такъ сказать, свою армію, чтобы дѣлать маневры.

Какъ бы то небыло, но карты употреблялись далеко прежде 1592 г., къ которому нѣкоторые относятъ ихъ изобрѣтеніе. Одна итальянская рукопись, относящаяся къ 1299 году, говоритъ о картахъ, называемыхъ *naibi*. Монашескіе уставы 1557 года—изгоняютъ карты подъ именемъ *paginae*. Наконецъ, и въ 1587 году, эдиктомъ Кастильскаго Короля, игра въ карты объявлена была въ числѣ запрещенныхъ.

До сихъ поръ еще неизвѣстно, кому въ Европѣ принадлежитъ употребленіе первыхъ картъ: Французамъ, Нѣмцамъ, Испанцамъ или Итальянцамъ? Мести картъ, въ каждой странѣ, имѣли и имѣютъ свои названія: во Франціи: пикки, трефы, бубны и черви; у Испанцевъ: мечъ, палка, деньга и чаша; у Нѣмцевъ: зеленое, желудь, гремушка и красное; у насъ: вины, жлуди, бубны и черви (кажется заимствовано съ Польскаго). Эти названія должны быть современ-

ны игрѣ въ шикетъ, которая началась при Карлѣ VII. До того, въ Европѣ были извѣстны только карты, называвшіяся крапами (tarot).

Карлъ VII, указомъ 1591 г.; повелѣлъ подвергать пени въ десять су, за всякую игру, которая мѣшала его подданнымъ заниматься изученіемъ военнаго ремесла. Для избѣжанія этой пени, кто-то преобразовалъ карточную игру, такъ, что поставилъ еѣ въ рядъ военныхъ упражненій. Масть трефовую стали изображать съ ипагою въ рукѣ; каро, (бубны), съ четверугольнымъ желѣзомъ толстой стрѣлы съ копьемъ бердыша; сердце (черви), съ остриемъ стрѣлы.... Однимъ словомъ: все получило видъ оружія. Тузы (lesas), названіе одной древней монеты, означали жалованье солдатамъ; четыре короля представляли монархіи: — Иудейскую, Греческую, Римскую и Французскую. Четыре *валета* или *варлета* представляли Французское дворянство, начиная съ его героической эпохи до Рыцарства: въ одномъ — изображался Троянскій Гекторъ, отецъ баснословнаго Франкуса, который слылъ за перваго Франческаго короля; въ другомъ Ожье Датскій, одинъ изъ Перовъ Карла Великаго; въ третьемъ — Лагиръ, храбрѣйшій изъ вождей Карла VII; наконецъ, въ четвертомъ — трефо-

вомъ ваетѣ, — самъ изобрѣтатель или преобразователь карточной игры.

— Въ Россію, если мы неопибаемся, карты перешли вмѣстѣ съ иностранцами, которыхъ въ свое время занимали въ службу царскую, въ качествѣ тѣлохранителей; — вѣрнѣе же — карты заимствованы были Русскими отъ Поляковъ, болѣе близкихъ, по сношеніямъ, съ западомъ.

Русскій человѣкъ — ничего не передѣлалъ въ картахъ: онъ только называлъ: дамъ — краями и ваетовъ холонами. Преферансы, висты, бостоны, даже дурачки, шиппъ-шиппъ-мушки, все это не изобретѣно въ Россіи, а получено вмѣстѣ съ ромомъ, шампанскимъ и подагрой, отъ иностранцевъ; русскій самъ изобрѣлъ — едва ли не одну только игру.... по скамъ.... игру, можно сказать, самую певинную; потому что она нейдетъ дальше носа, — и если въ ней предполагается какой нибудь интересъ, то не выше — бутылки московскаго пива и порціи чаю....

Порою, отдыхая отъ тревоженій жизни и обычныхъ работъ, русскій людъ, улучивъ время, коротаетъ его, гдѣ нибудь въ портерной. Интересъ-пиво!

Шожилой ветошникъ, да фабричный цигарочникъ, усѣвшійся на столъ — добиваются микроскопическаго интереса....

Всякая игра требуетъ разуму, опыта и наглядности, а потому и въ игрѣ по поскамъ являются свои мастера...

Мальчикъ прикащикъ (на картинѣ), раскинувъ локти по столу—дремлетъ, прислушиваясь къ говору играющихъ; забѣжавшій въ портерную извозчикъ,— созерцаетъ игру съ улыбкой; между тѣмъ.... владѣлецъ портерной, избоченясь съ важностію, закинулъ руку на плечо играющаго, и, желая высказать свое умѣнье и сноровку подсказываетъ: — ходи !...

— Ну-ужъ, эвто-неповадно, говоритъ ветошникъ, рассчитывающій завладѣть выигрышемъ: — для-чего подсказывать, Лукичъ? у всякаго свой разумъ во лбу....

— Да вѣдь я такъ, только указать! вѣдь, впишты: онъ, словно обойденный... идетъ съ того, что и съ просонья не кинешъ.

— Мало ли что? — дѣло мастера боится! Не иди

прать супротивъ рожна! Не берись за гужъ, коли не дюжъ! Для-ча и сядишся, коли въ игрецкую играть негоднися?

— Ну, — ну, нички — молчу.... пусть его какъ знаетъ.

— Вѣстимо какъ знаетъ; — а вотъ бутылочка-то и шипитъ. Неудноли-съ.... Эпто што!

— Ничего, голова! отвѣчаетъ сигарочникъ; мы вотъ какъ!

— Текъ-съ, а вотъ энтакъ-съ....

— Что? — атанде-съ — выходить. — Поѣхала бутылка, подставляй носъ или выставляй пиво! знай нашихъ!...

Добрые люди! Не многіе изъ нихъ лезутъ въ азартъ, и не многіе знакомы съ бѣдовою — три листика!...



XX.

РУССКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ

НА НѢМЕЦКОМЪ ГУЛЯНЬЕ.

Зайдите, когда нибудь, въ общество простыхъ людей, послушайте ихъ рассказы, остроты и перемолвки; — тогда жизнь и понятія простаго-русскаго человека обрисуются для васъ, какъ нельзя больше рельефно.... Въ его заунывной пѣснѣ, въ его бойкомъ словцѣ, въ его заключеніяхъ о предметахъ — вы подмѣтите столько оригинальнаго, столько наивности, что и миллионной доли того не случится встрѣтить въ рассказахъ нашихъ правоописателей, знающихъ русскаго простолюдина только по бородѣ и лаптямъ....

Иванъ Ивановичъ большой чудакъ! для него жизнь въ харчевняхъ, портерныхъ и русскихъ мастерскихъ была настоящею жизнью; тамъ.... онъ прижимался въ уголь, слушалъ, иногда хмурился, иногда улыбался и записывалъ....

Вотъ лоскутокъ изъ его странствованій по подваламъ и мастерскимъ.

«...Былъ еще сегодня у столяра Михея; былъ

I.

разъ, пойду и другой... Шрелюбопытно!... Въ полдень я завернулъ къ нему и, противу обыкновенія, не встрѣтилъ въ мастерской ни пѣсни, ни стука долота, ни визга пилы. Все было тихо и безмолвно!... Рамки и станки чинно лежали на полкахъ, надъ которыми, по обыкновенію, торчали пилы. Самъ Михей, остановившись, съ видимымъ вниманіемъ среди мастерской, и, опершись на деревянную сажень, изрѣдка лишь покачивалъ головою, украшенною нестрымъ платкомъ, какъ бритая голова муэзина — чалмою. Подмастерье его, выставивъ впередъ ногу, спрятанную въ драпировкѣ чистаго передника, сложилъ обѣ руки на стругъ, и оставался въ этомъ положеніи, какъ обвороженный; другой, опершись на длинную пилу, молча улыбался, видимо — пожертвовавъ всею своимъ вниманіемъ, вмѣстѣ съ другими мастерами — остававшимся на второмъ планѣ картины, — какому-то гостю-разскащику, вѣроятно собрату по ремеслу.

— Эвоя! На заборъ? сказалъ одинъ изъ подмастерьевъ.

— Право слово, — на заборъ, продолжалъ разскащикъ. Вотъ, голова! знаешь, какъ мы вошли... почти темная, никто насъ невидитъ; вдругъ — смотрю: у забора похаживаетъ землякъ-сторожъ.

— О!... отозвался Михеичъ.

— Да.... эвотъ, какъ его?... Архиповъ.... Вы, говоритъ онъ, для чего тутъ? вотъ я васъ!... Да и палкой было.

— Те! свои! говорю.

— Кто?

— Я, Дементій!... пусти Архипычъ! поглазѣть на ваши диковины; вишь... вѣдь, говорятъ, нѣмецъ-то затѣйливъ.

— Какой нѣмецъ?

— Шу, да Шеръ—что-ли-че? Богъ его вѣдаетъ....

— Вотъ онъ насъ, братъ! и пустилъ въ калитку, да потомъ задними околицами, въ какой-то коридоръ и привелъ. Шу, говоритъ, стой-те.... ни шагу! Сей часъ начнется, дескать.... А музыка, братъ! такъ ревомъ и реветъ. Вдругъ, слышимъ: пѣсню запѣли. Шу, голова!... вотъ распотѣшили!... Знаешь и пѣсня-то почитай нашепская! Ванька, говоритъ, Таньку полюбилъ; а Танька, говоритъ, дудочку беретъ; а Ванька, говоритъ, пѣсню поетъ.

— Ой-ли!... Лихо!.... Шу, ну!... отозвались слушатели.

— Вотъ, потомъ какой-то одинъ запѣлъ другую пѣсню. Народъ-то словно море, такъ и разлился. Bravo! говоритъ, ай-да голова!... Валяй.... дескать ащо! мы те отхлопаемъ снова. А тутъ и Архиповъ под-

вернись. Слушай, говоритъ, ребята! Сей часъ въ животѣ заговорить.

— У кого? спрашиваемъ.

— А вотъ *туточи*.... у насъ — Грекъ есть!

— Э! нешто Греки-то животомъ говорятъ?

— Шѣтъ; говоритъ, это ужъ такой—не с проста; онъ и по собачьи лаетъ. Глядимъ и въ самомъ дѣлѣ, какъ началъ! Шу просто ворожба! я-те скажу.... И на гитарѣ-то играетъ, и поетъ-то разными голосами; да, какъ засвищетъ соловьемъ; словно черти у него въ брюхѣ! а потомъ лаять началъ. Нечего сказать... собаку съѣлъ! Вотъ словно у него тамъ цѣлая стая дворняшекъ. Отличительно!...

— Шу братъ, это не с проста! отозвался одинъ изъ слушателей.

— Ужъ вѣстимо — не с проста. Стало быть что нинаестъ, да какая нибудь ворожба сдѣлана.

— Да — неужто, и въ самомъ дѣлѣ, животомъ поетъ? спросилъ Михенчъ.

— Шу.... чтобъ свѣту невидать, коли я васъ морочу! Чего говоритъ! поетъ разныя заморскія пѣсни.

— Эка ты оказія! Шу, ну, Мионовъ, штожъ? досказывай!...

— Вотъ, другъ ты мой, зашумѣла опять музыка; посмотримъ: а мимо насъ словно *машкарадъ* какой! и

въ красномъ-то, и въ синемъ-то, и во всякой-то пестряди!

— Да чтожъ это такое?...

— Шыганки, голова! Ну братъ! такія все крапи, что лутче и не спрашивай. А за ними знаешь, все господа, да ухмыляются: просто вальяжность такая....

— Ахъ ты певидаль, диковина какая!...

— Вотъ, ребята, продолжалъ раскащикъ, мы себѣ стоимъ — да дивимся, какъ вдругъ кто-то и крикни:

— Вы зачѣмъ здѣсь? Какъ сюда попали? А?

— Ой-ли?

— Право слово.... Глядь! а энто самъ Шзеръ, сердитый такой, что и не роди мать на свѣтъ. Мы, братъ.... и въ запуски, да опять околицами, черезъ за-

боръ; а Максюха, знаешь вѣдь пострѣлъ такой! онъ было учаль прежде всѣхъ улизнуть, да какъ махнетъ, зацѣпился!

— Ну — ну! вскрикнули любопытные....

— Чего ну!... вѣстимо полкафтанъ и оставилъ на заборѣ.

— Ну, а вы то?

— Что мы?... утекли! эвоя.... еще бы шею подставить! вѣдь за эвтую оказію нашего брата и накостиляютъ.... вѣстимо дѣло!...

— Ну важно! отозвался подмастерье, быстро стругнувъ по доскѣ....

И работа, остановленная на минуту рассказомъ прищелца, закипѣла снова въ столярной»....

